В. М. ПРИМАКОВ

АФГАНИСТАН В ОГНЕ

DK
330
П76
Афганистан

86571
8°

ьство
газета" Ленинград

24 APRIL 1981

КРАСНАЯ ГАЗЕТА
ЛЕНИНГРАД

Обложка работы худ.
В. М. ХОДАСЕВИЧ

Ленинградский Областлит № 29459. Заказ № 633. Тираж 20.000.

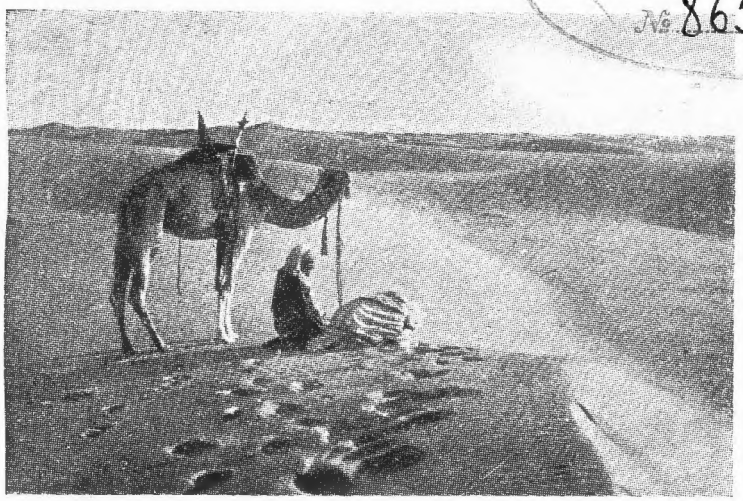
Тип. «Красной Газеты» им. Володарского, Ленинград. Фонтанка, 57.

DK
330
П76
Афганистан
9:323.2-/57

В. М. Примаков.

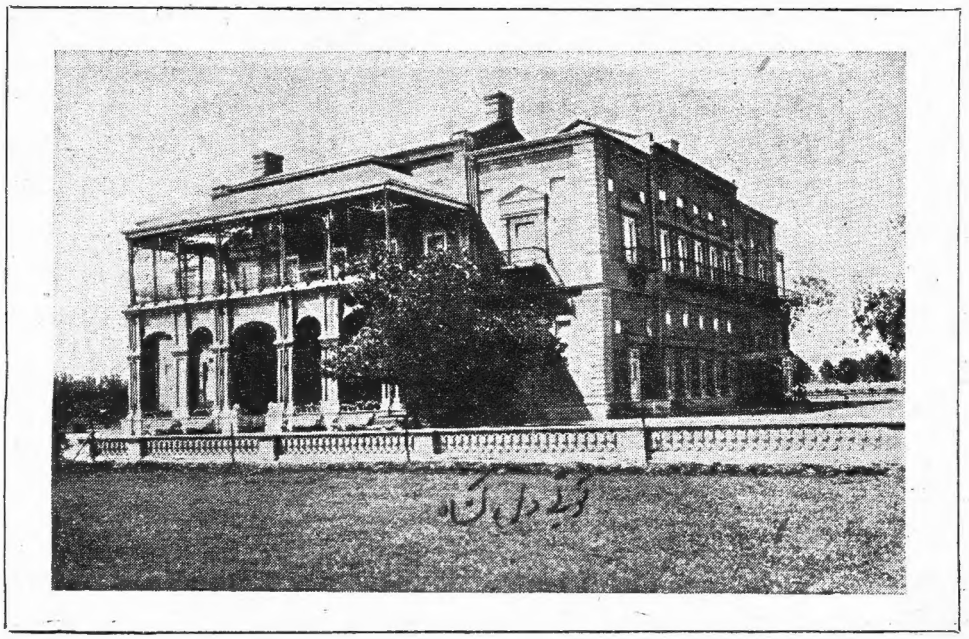
Афганистан в огне

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 86571/80



713/3

Издательство
„Красная Газета"
Ленинград.



Дворец падишаха Аманулы-хана в Кабуле

Оборона Индии или наступление в советскую Азию?

Англия и Россия — соперницы на Востоке — в XIX веке выдвинулись к горным системам Гиндукуша и Гималаев, которые стали барьером на пути их встречного движения в Средней Азии.

Продвижение России в Туркестане приводило ее к подножию Гиндукуша и ставило на подступах к Индии, которая была и осталась главной сырьевой базой для британской индустрии и одним из ее главных рынков.

До наполеоновских войн Индия считалась недоступной с суши: Гималаи, Гиндукуш и Сулеймановы горы были мало исследованы и считались непроходимыми.

Но грозный гений Наполеона учел возможность движения больших армий по древним путям, по старым караванным дорогам, по которым от Средиземного моря в Индию прошли гоплиты Александра Македонского, и привлек внимание всей Европы к Афганистану, на территории которого сходились все эти великие исторические пути.

Созданный Наполеоном проект движения русско-французской армии через Герат на Кандагар и Кветту ошеломил английский генеральный штаб, а по существу безвредная диверсия конных корпусов Павла I к Оренбургу заставила его лихорадочно готовиться к защите Индии.

Со времени наполеоновского проекта Англия стала очень чувствительна ко всякому движению русских войск в Средней Азии и этой боязнью за Индию была продиктована глухая вражда к России, шедшая из глубин английского общества в эпоху Николая I.

Широкая торговля России с Англией в первой половине XIX века, заигрывание русской дипломатии с английскими министрами — все это не уменьшило английской подозрительности, которую не в силах был сломить ни визит Николая I в Лондон в 1842 году, ни повторные шаги к сближению, предпринятые русской дипломатией в 1850-52 гг. перед самой Крымской войной.

Все попытки разбились о недоверие англичан, в глазах которых безопасность Индии была неизмеримо важнее всей русской торговли.

Движение России на Восток заставило Англию принять участие в борьбе России и Турции и, неоднократно возобновляемая, организованная Англией коалиция европейских держав против России вынудила Россию огра-

ничить свое продвижение линией черноморского побережья и Закавказьем.

Всякий шаг на Востоке вызывал подозрение и противодействие англичан. Новый этап колониальных захватов царской России, выдвижение на Аму-Дарью и захват русскими войсками оазиса Шенде в 1885 году, снова обострил отношения и едва не вызвал войны. Противодействуя движению России в Средней Азии, Англия в целях обороны Индии в течение XIX века успела овладеть всем течением реки Инд и вынести свою границу на барьер, образуемый Сулеймановыми горами — Восточным Гиндукушем — Гималаями. Обратив эту горную систему в крепостную стену Индии, Англия в течение XIX века систематическим вмешательством во внутренние дела Афганистана и военным нажимом (двумя войнами — 1838 и 1878 гг.) добилась вассального подчинения Афганистана англо-индийскому правительству. В 1881 году Абдур-Рахман-хан отказался от права самостоятельных внешних сношений с иными государствами, кроме Индии, и перешел на английскую денежную субсидию.

Опыт двух войн с Афганистаном убедил Англию в чрезвычайной силе сопротивления, которую способен развить Афганистан. Англо-индийский генеральный штаб, который вынес свои форты и гарнизоны в горные проходы Сулеймановых гор и подкрепил эту систему фортов крепостью Кветтой на юге и укрепленным районом города Пешавера на севере пограничной полосы, — учтя это сопротивление, стал содействовать укреплению Афганистана и росту его вооруженных сил. Путанный лабиринт афганских горных теснин, населенных фанатичными воинственными племенами, был совершенно справедливо расценен, как щит Индии, как естественная

система рвов и заграждений, устроенная перед крепостной стеной Индии — горными кряжами Гиндукуша и Сулеймановых гор.

За этой крепостной стеной Индия могла не опасаться русского нашествия, которое еще в самом Афганистане встретилось бы с величайшими трудностями и упорным сопротивлением афганских племен.

Русско-японская война успокоила англичан за Индию. Россия обнаружила свою неспособность к дальнейшему продвижению на Востоке и в 1907 году между Россией и Англией была заключена конвенция по восточным вопросам, в которой Россия признала Афганистан „лежащим вне сферы русского влияния".

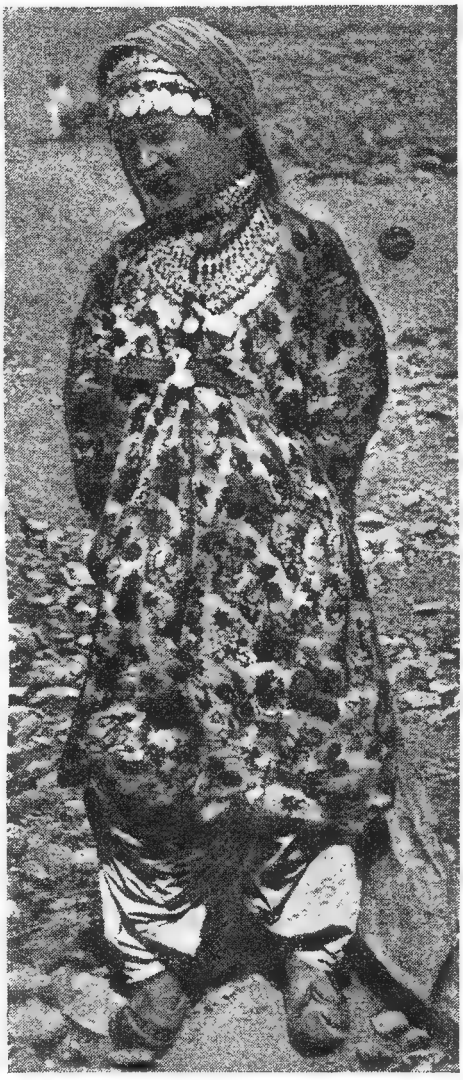
Этот отказ от активной политики в Средней Азии был дополнен соглашением России сноситься с Афганистаном только через англо-индийское правительство, чем была признана вассальная зависимость Афганистана от Англии.

Безопасность Индии от русского вторжения была закреплена,—но непосредственно за этим для Индии выросла новая, германская опасность. Эта опасность оформилась, когда немцы приступили к осуществлению проекта трех „Б" (железная дорога Берлин—Византиум—Багдад). Немецкая железная дорога, углубляясь в Месопотамию, заставила англичан прийти к выводу, изложенному лордом Элленборо: „Лучше видеть Россию в Константинополе, чем немецкий военный арсенал в Персидском заливе". Через этот вывод и конвенцию 1907 года Англия пришла к сотрудничеству с Россией на Востоке— и этот вывод сыграл не последнюю роль в образовании Антанты.

Россия, оправившись от русско-японской войны, построила свою восточную политику на захвате Константи-

нополя. Продвижение в Средней Азии было остановлено и во время войны Туркестан был обращен в экономический тыл для армии: нужда в хлопке заставила царское правительство форсировать превращение Туркестана в огромную хлопковую плантацию.

Индия, безопасности которой угрожало продвижение турецко-германской армии к Багдаду, была прикрыта выдвижением английских войск в Персию и организацией войны в Месопотамии. Ее огромные сырьевые ресурсы были широко использованы для военных нужд и в годы войны диктатура английского капитала в Индии приобрела беспощадный характер. За время мировой войны Индия выставила на фронт пятисоттысячную армию. На бюджет Индии легло содержание этой армии и ее снабжение. Война потребовала огромной эксплоатации индийского сырья: плантации хлопка, джута и пр. были значительно расширены за счет зерновых культур. Военный темп эксплоатации потребовал улучшения путей

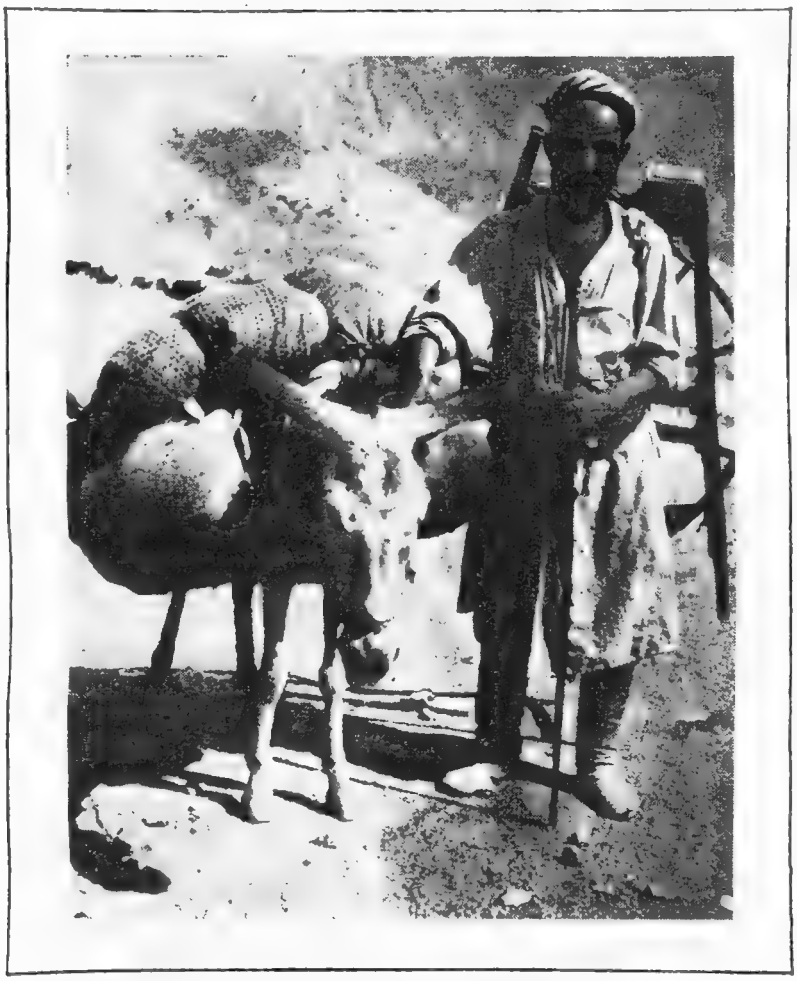


Афганская девушка кочевого племени

сообщения и железные дороги Индии с 53.959 км (1913 г.) выросли до 61.124 км к 1924 году. Параллельно с увеличением ж.-д. сети выросло количество автомобилей в стране, которое в 1924 г. достигло 82 тысяч. Паровоз и автомобиль вытесняли древний индийский транспорт—буйвола, слона и осла. Форд вытеснил слона из транспорта тяжестей и из процессии магараджей и поставил его на черную работу. Мобилизация английской промышленности для войны и удорожание морского фрахта вызвали во время мировой войны падение английского ввоза в Индию и рост собственной индийской индустрии. Индия приступила к эксплоатации своих недр (добыча угля выросла с 16.468 тысяч тонн 1913 года до 20.525 тысяч тонн 1924 года), начала быстро развертывать текстильную промышленность (число веретен с 1913 по 1923 год выросло с 5.596.862 до 7.927.938) и сделала первые серьезные шаги в тяжелой индустрии (выплавка чугуна к 1924 году достигла 1.445.313 тонн).

В то время, как мировая война форсировала стремительный рост богатств индийской буржуазии (внешняя торговля Индии в 1923 году достигла 3.530.000.000 золотых рублей, при чем экспорт превышал импорт на 742.000.000 зол. рублей), все тяготы войны легли на плечи основного производящего класса страны — трудового крестьянства. Разорение крестьянства шло невероятно быстрым темпом и к 1921 году на индийском рынке труда было 6 миллионов батраков и 31 миллион сельско-хозяйственных рабочих. Эта армия в 37 милл. пролетариев в деревне в соединении с двумя с половиной миллионами индустриальных рабочих была брошена в мрачную бездну нищеты и отчаяния: она представляла собой 40-миллионную массу полуголодных людей, доведенных до последних пределов страдания.

Индийская буржуазия, разбогатевшая на военных сверхприбылях, первая созрела для политической борьбы. Всеиндийский национальный конгресс, созданный еще полвека назад, но не игравший никакой роли в жизни



Афганский точильщик

страны, начал объединять политические стремления буржуазии и выдвинул требование самоуправления Индии. Но в предъявлении своих политических требований индийская буржуазия действовала с трусливой оглядкой на

40-миллионную массу сельского и городского пролетариата. Борьба индийской буржуазии с английской диктатурой приняла мало убедительные формы „пассивного сопротивления", так как индийская буржуазия опасалась, что активная националистическая борьба способна вызвать взрыв революционной активности пролетариата, который сметет вместе с британским империализмом и самое индийскую буржуазию. Поэтому первые же уступки англичан выводят из рядов национального движения и помещиков и фабрикантов: перед призраком социальной революции они немедленно бросились в объятия британского правительства.

Британское правительство не хуже индийской буржуазии понимало опасность. Уже в 1916-19 гг. оно шло на уступки буржуазии и в 1918 году сделало ей крупную уступку повышением пошлин на ввозную мануфактуру, в том числе и на английскую до 7,4%, что было равносильно введению покровительственного тарифа для индийской текстильной промышленности.

В дальнейшем правительство провело реформы, которые передали местное самоуправление в руки индусов и ограничили власть вице-короля. При вице-короле был создан государственный совет Индии в составе 33 выборных и 27 назначенных членов совета и законодательное собрание из 104 выборных членов и 40 назначенных. Туземные князья—раджи и магараджи (Индия административно делится на 15 провинций и 562 княжества; среди княжеств, правители которых носят титул раджи, магараджи или наваба, есть такие, как Гайдарабад—с населением в 13 миллионов человек и есть княжества с населением в несколько сот жителей) были утешены созданием совета раджей—княжеской палаты,—которая собирается раз в год под председательством вице-короля

и обсуждает вопросы взаимоотношений княжеств. Впрочем во всех трех органах — государственном совете, законодательном собрании и совете раджей — за вице-королем осталось право „veto“: он сохранил право остановить исполнением решение, принятое тем или иным органом, если это решение нарушало интересы империи.

Существо всех этих реформ мало изменило положение Индии; но все же их оказалось достаточно, чтобы расколоть буржуазию и чрезвычайно ослабить националистическое движение. В какой мере положение дел мало изменилось даже в отношении раджей и магараджей — показывает история магараджи Наба.

Магараджа Наба Гуру-Чаран-Синг был отстранен от управления вассальным княжеством Наба в 1924 году за нелойяльность к правительству (нелойяльность выразилась в том, что магараджа состоял в личной переписке с вождями религиозных сект и националистических организаций в Индии). В 1928 году, по повторному обвинению в нелойяльности (в продолжение личной переписки), в ночь с 18 на 19 февраля он был арестован на вокзале в Аллахабаде и отвезен в Мадрас. Одновременно к жене магараджи явился агент вице-короля при вассальных княжествах Пенджаба и вручил ей следующее письмо вице-короля лорда Ирвин:

„Я выражаю Вам свое сочувствие по поводу несчастий, постигших Вас в связи с арестом любимого Вами мужа, но для правительства Индии не было другого выхода. Мое сердечное желание, чтобы Вы вместе со своим сыном, наследником престола, отправились в Наба и совершили церемонию восшествия его на престол. Если Вы согласитесь с этим решением правительства, *то Вы будете оставлены в полном покое.*

Мы желаем, чтобы будущий повелитель Наба, Ваш сын, остался верен индийскому правительству.

Остальные мои распоряжения Вам передаст мой полномочный представитель — агент при вассальных княжествах Пенджаба.

Преданный Вам Ирвин („риасат“ 25—2—28)“.

Этот случай—иллюстрация к действительным отношениям, существующим между англо-индийским правительством и вассальными князьями. Это письмо—иллюстрация ханжеского лицемерия и наглого произвола, который практикует англо-индийское правительство.

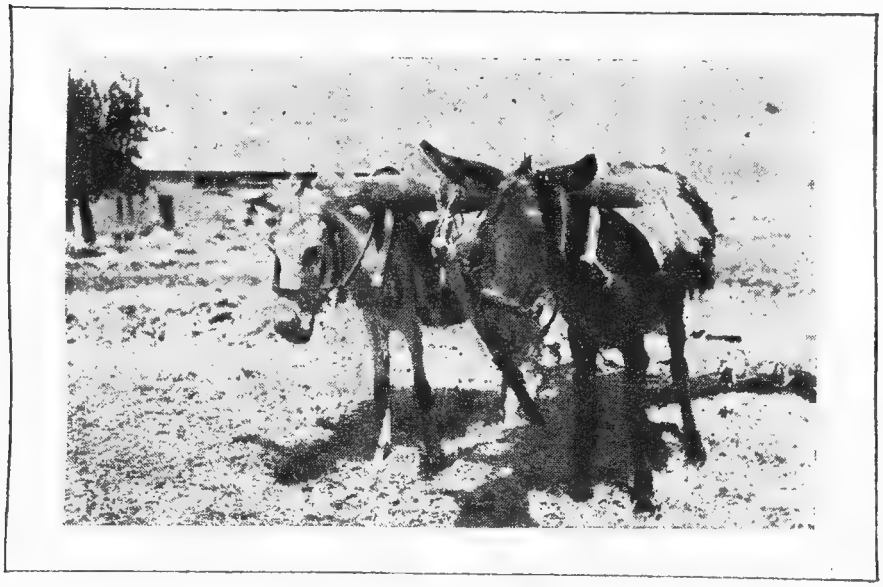
Тем не менее, реформы сыграли роль клина, расколовшего националистическое движение.

Обеспечив себе поддержку крупной буржуазии, правительство было готово к борьбе с быстро революционизировавшимися массами.

Социалистическая революция в России, эхо которой докатилось до Индии, ускорила процесс революционизирования народных масс.

„Чрезвычайные судебные законы Роулета“, давшие индийскому правительству возможность жесточайшей расправы с националистами, оставшимися под знаменем борьбы за освобождение Индии, вызвали на улицу массовые демонстрации. Эти демонстрации в городе Амритсаре были расстреляны войсками генерала Даэра, который лично руководил расстрелом. На улицах осталось более тысячи убитых и раненых. Расстрел вызвал взрыв гнева во всей стране и заставил народ взяться за оружие. В марте и апреле 1919 года во многих городах Пенджаба были построены баррикады и сделана была попытка сформировать национальную армию для борьбы с Британией; в селах Пенджаба крестьяне организовали партизанские отряды, которые

портили телеграф и полотно железной дороги. Для подавления восстания в Пенджабе правительству пришлось пустить в дело большие воинские силы и артиллерию. Большое количество деревень было разрушено, города подверглись артиллерийскому обстрелу. Только к маю 1919 года правительство овладело положением и Пенджаб был усмирен.



Полевые работы

Но немедленно вслед за этим англо-индийскому правительству пришлось вести войну с Афганистаном, который в 1919 году с приходом к власти Аманулла-хана провозгласил независимость. Война (май—июнь 1919 года) окончилась поражением афганской армии, но восстание независимых племен пограничной полосы Индии, которые поддержали Афганистан, грозило переброситься в Индию и вызвать там новый пожар. Поэтому Англия приняла мирное предложение афганского прави-

тельства и признала независимость Афганистана, чтобы иметь свободные руки в полосе независимых племен.

Моманды, населяющие полосу между рекой Кунар и Инд, были отброшены от города Пешавера, которому угрожали их отряды, и ушли в горы.

Вазиристан, оказавший энергичное сопротивление на протяжении 1919-20 гг., вынудил англичан сосредоточить за Индом более корпуса пехоты.

Не успели англичане окончательно закрепить свое положение в Вазиристане, как на юге Индии, на Малабарском побережье, вспыхнуло восстание Мопла, борьба с которым заняла весь 1921 и 1922 года.

Рост революционного движения внутри Индии заставил англо-индийское правительство с особенным вниманием отнестись к северо-западной границе Индии. Выдвижение Красной армии на Большой Памир и Аму-Дарью и независимость Афганистана создали новую ситуацию на индийской границе, особенно опасную в условиях революционного брожения внутри Индии: красный призрак встал над горами Гиндукуша и имя Ленина звучало в индийских селах. При крайней накаленности социальной атмосферы в Индии соседство революционной России было так же опасно, как соседство пылающего факела для порохового погреба.

Новая ситуация требовала пересмотра планов обороны Индии. Прежний план обороны, построенный на недоступности Индии с суши, на непроходимости каменных громад Гиндукуша и Гималаев, явно устарел: через снеговые вершины горных кряжей огненные искры от пылающего факела русской революции сыпались на пороховой погреб Индии. Британская политика поставлена была в необходимость предъявить индийскому генеральному штабу требования: если нельзя потушить факел

(а это не удалось организованной Британией коалиции 14 государств, боровшихся против советского союза в 1918-1920 гг.), то его следует отодвинуть от Индии.

И генеральный штаб вынужден пересмотреть свои прежние планы: защита Индии требует вынесения борьбы к северу от Гиндукуша.

Но проблема нападения на советский Туркестан—это прежде всего проблема военно-дорожной подготовки движения больших воинских масс в долину реки Аму-Дарьи и в оазис Пендэ. На пути этого движения лежат: а) независимая полоса племен свободного сархата, б) независимый Афганистан и хребет Гиндукуша.

Афганский грузчик

Полоса независимых племен свободного сархата лежит между верховьями реки Инд и течением реки Кунар и далее к югу между англо-афганской границей и течением реки Инд.

Верховья реки Инд и Сулеймановы горы населены племенами афганского происхождения, говорящими на языке пушту, общем для всех патанов. Численность этих племен превышает два миллиона. Большинство населения—номады, но долины горных рек возделаны и часть кочевников осела на землю.

В процессе выдвижения Англии на „естественные границы“ ее индийских владений, на крепостную систему горных кряжей Сулеймановых гор, Гиндукуша и Гималаев, эти племена были частично покорены англичанами и включены в группу вассальных княжеств Пенджаба, частично сохранили свою независимость. Стратегия обороны Индии требовала включения этой горной страны в зону британских владений, и эта проблема была фактически разрешена в начале XX века: территория независимых племен была придавлена массивами крепости Кветта и Пешаверского укрепленного района, а в наиболее важных стратегических пунктах полосы независимых племен были устроены английские форты и поставлены гарнизоны, которые контролировали все горные проходы в Восточном Гиндукуше и Сулеймановых горах.

Новая ситуация на северо-западной границе Индии и необходимость вынести борьбу за пограничные горные системы требовала от английского генерального штаба полного овладения этими районами и постройки в них военно-инженерных и военно-базисных сооружений, которые дали бы возможность свободного маневрирования большим войсковым массам в полосе независимых племен и беспрепятственного движения их в долину реки Аму-Дарьи.

С 1922 года, овладев положением в Индии и чувствуя свои руки развязанными, англо-индийский генеральный штаб перешел к осуществлению этой программы. Британская активность была направлена на достижение двух целей: а) политического проникновения в полосу независимых племен, б) осуществления военно-инженерной подготовки в верховьях Инда и в Сулеймановых горах.

Политическое проникновение в верховья Инда, подготовленное 25-летней работой Британской администрации в Пенджабе, не встретило больших трудностей. Княжества Сват и Читрал, навабство Дир и ханство Джандоль предшествующей работой английских политических агентов и давлением военных экспедиций уже были поставлены в вассальную зависимость по отношению к Индии и только в навабстве Дириханстве Джандоль эта вассальная зависимость была неполной: наваб Дира и хан Джандоля—оба потомки Умра-хана, грозного организатора сопротивления независимых племен англичанам в 90-900 годах — отказались принять английские гарнизоны и ограничили свой вассалитет получением английской субсидии и пропуском английских войск через свою территорию.

Для того, чтобы крепче подчинить эти государства (с населением в 200-300 тысяч каждое) своему влиянию, англо-индийское правительство занялось усилением Сватского королевства: король Свата Миан-Гуль, который получил титул падишаха от англо-индийского правительства, должен был сыграть роль английской палки, занесенной над княжествами и независимыми племенами северо-западной границы. В Сватском королевстве были проложены военные автомобильные дороги, население королевства было обезоружено (1925-1927 гг.), а армия падишаха Сват, Миан-Гуля, усилена и доведена до 40 тысяч бойцов. Падишах Свата приобрел благодаря этому значительные выгоды: он мог не опасаться восстания в своей стране, мог сосредоточить свое внимание на внешней политике и занял угрожающую позицию по отношению ко всей северо-западной границе.

Вместе с тем постройка военных дорог дала возможность английским политическим агентам осуществить

тщательный военно-политический контроль над королевством Сват. Политические агенты — специальный институт, учрежденный англо-индийским правительством. Их функции заключаются в контроле над вассальными княжествами и в той политике подкупа и сложных военно-политических интриг, на которой построено проникновение Британии в вассальные княжества Индии.

Угрожающая позиция королевства Сват заставила правительство Читрала прибегнуть к покровительству Англии и принять у себя сильный английский гарнизон, а также разрешить англичанам провести к городу Читрал от станции Даргай шоссейную дорогу. В 1926 году эта дорога доведена до границ княжества Дир. Дальше она не шоссеирована, хотя и доступна автомобилю, так как наваб Дира отказал в разрешении строить шоссе в его стране, и, поддержанный ханом Джандоля в 1927 году, прогнал из Дира английскую топографическую экспедицию.

Действия Дира и Джандоля объяснялись тем, что эти княжества зажаты между королевством Сват, с одной стороны, и областью независимого племени момандов— с другой. Поставленные между двух огней карликовые княжества Дир и Джандоль склонились на сторону момандов. Но английская агентура в 1928 году спровоцировала их на междоусобную войну, в результате которой наваб Дира разбил отряды хана Джандоля и вынудил его бежать к момандам. Возможно, что в результате этой провокации (как ее называют индийские газеты) англичанам удастся закончить шоссеировку дороги в Читрал. Но и без того Англия на читральском направлении сделала основную часть работы: она имеет удовлетворительную автомобильную дорогу из Пешавера в Читрал, прикрытую фортами Чакдара и Кала-И-Дрош,

и таким образом контролирует путь через перевал Дора (к север-западу от Читрала) в долину реки Аму-Дарьи (Читрал—Зебак-Файзабад).

Этот путь допускает движение вьючных транспортов, а при небольшой военно-инженерной подготовке перевала Дора допустит и движение автомобильных транспор-

Афганский баян

тов в летние месяцы от Читрала в долину реки Аму-Дарьи в ее верхнем и среднем течении. Долина реки Аму-Дарьи еще в 1910 году имела удовлетворительные пути, а города Зебак-Файзабад и Ханабад связаны меж собой доступными колесу (а следовательно и артиллерии) дорогами. Но безопасность пути будет полной лишь в том случае, если племена Баджаура и сильное

племя момандов, способное выставить до 50 тысяч воинов, не будут нападать на английские коммуникации и сохранят дружеский нейтралитет.

Усилия английской политической агентуры в 1923-28 гг. были направлены к установлению добрососедских отношений с момандами. Но эти попытки английского проникновения в страну момандов всякий раз заканчивались неудачно: мулла Туран-Заи, вождь момандов, 70-летний старик, пользующийся репутацией святого, решительно отвергал все предложения англичан и суровой рукой военного принуждения удерживал отдельные роды момандов от сепаратных сношений с британскими политическими агентами. Его враждебная деятельность вызвала англичан на провокацию: в мае 1927 года в области момандов появился голый и нищий факир, никому неизвестный, который стал проповедывать „джехаат"—священную войну против англичан. Мулла Туран-Зан вызвал к себе этого факира, но факир отказался явиться в резиденцию Туран-Заи и продолжал проповедь. Под его руководством отряд молодежи момандов напал на 4 английских поста и вырезал солдат. Момент проповеди факира и нападения момандов на английские посты странным образом совпал с переговорами, которые моманды вели с английскими офицерами. В этих очередных переговорах о прекращении партизанской войны на границе момандов моманды потребовали: 1) английские войска не должны вступать в область момандов и английские самолеты не должны летать над землей момандов, 2) моманды, совершившие преступление на территории Индии, подлежат не британскому суду, а суду племени, 3) удалить с границы самолеты, которые раздражают момандов.

Английские офицеры согласились на эти условия, но провокация факира, сделанная в тот же день, дала им

Джелал-Абад

возможность отказаться от подписания договора. И в то время как неизвестный факир исчез, а офицеры вернулись в Пешавер, британская эскадрилья напала на селения момандов и подвергла их бомбардировке.

Систематическая провокация и нападения самолетов имеют целью сломить сопротивление племени и подчинить его британскому резиденту в Пешавере. Но до сего дня момандыы сохранили независимость, и старый Туран-Заи оградился от английского проникновения, организовав на своих границах постоянную партизанскую войну против англичан.

Южнее момандов, по обе стороны Хайберского прохода, ведущего из Индии в Афганистан, живут афридии. Племя это состоит на английской субсидии, за которую оно отказалось от нападений на шоссейную дорогу Пешавер-Кабул, проложенную по дну Хайберского ущелья. Но молодежь афридиев часто спускается с гор, чтобы добыть новую винтовку у английского солдата. И тогда мир нарушается, в горах вспыхивает партизанская война, и английские самолеты бомбят горные селения афридиев, которые, как угроза горного обвала, висят над Хайберским ущельем.

Между афганской границей и рекой Инд, южнее афридиев, в центре Сулеймановых гор, которые здесь достигают большой высоты, живут вазиры и максуды. Вазиристан, способный выставить более 50.000 воинов, до 1922 года был оплотом сопротивления английскому влиянию в Сулеймановых горах. Но после англо-афганской войны 1919 года, когда Афганистан, получивший свою независимость в результате общего восстания пограничных племен, отказал Вазиристану в поддержке английская армия сломила сопротивление племен Вазиристана и оккупировала их страну. Вазиристан был прочно

занят английскими гарнизонами, общей численностью более двух дивизий пехоты, и английские инженеры приступили к военно-дорожному строительству в Вазиристане. Преодолевая сопротивление партизанских отрядов вазиров и максудов, английские военно-дорожные батальоны связали Вазиристан сетью шоссейных дорог и превратили устроенный в центре Вазиристана форт Размак в первоклассное укрепление. Военно-дорожная сеть Вазиристана связала города Тал, Банну и Танг с афганской границей системой шоссейных дорог, которые меж собой связаны рокировочными автомобильными путями.

Англо-Индийское правительство закрепило свое положение в Вазиристане глубокой внутренней политикой. Британская администрация наладила в стране систему орошения, благодаря чему часть кочевников осела на землю. Оседлое население легче контролировать, чем кочевое; оседлое население спокойнее кочевого — не даром арабская пословица говорит: „если человек посадит финиковую пальму, он скорее даст себя на ней повесить, чем уйдет прочь".

Город Тал связан шоссейной дорогой с фортом Курам у перевала Пейвар-Котал — кабульское направление. Город Банну через Мирам-Шах связан с фортом Датта-Хейль — направление Гардез — Кабул. Город Танг связан с фортом Вана — направление на Газни. Если к этому прибавить, что англичане связали Тал-Мирам-Шах-Размак-Танг автомобильным путем и подвели к городу Танг электрическую железную дорогу от города Дера — Измаил-Хан и узкоколейку от Кала-И-Баг, — то станет ясно, что в пятилетие 1923-1928 гг. англичане с чрезвычайной энергией и большой затратой средств повели и закончили военно-дорожную подготовку в Вазиристане.

Политику прикрепления вазиров и максудов к земле британская администрация дополнила организацией школ в Вазиристане для детей ханов и маликов (вождей) племен. И в детские головенки британский учитель, пришедший на помощь солдату, вдалбливает представление о мощи Великобритании и о великой пользе мирного подчинения британской администрации.

Вазиристан, связанный сетью шоссейных дорог, потерял способность к сопротивлению: его горные селения находятся под угрозой пулеметного обстрела английских броневых автомобилей, на его утесах выстроены английские форты, дети его вождей в британских школах заучивают наизусть мудреный титул его величества короля Британии, императора Индии и прочая.

Английская военная подготовка в Вазиристане закончена, военные дороги включены в систему афганских колесных путей, и Британия имеет здесь полную свободу действий.

Южнее Вазиристана в Белуджистане устроена мощная крепость Кветта, которая лишила белуджей всякой способности к сопротивлению и выдвинула свои подъездные пути — форт Нью-Чаман, связанный с Кветтой железной дорогой — на афганскую границу в направлении на город Кандагар.

Осуществленная в 1922-1928 гг. военно-инженерная подготовка в области независимых племен выдвинула передовые посты Британии на афганскую границу и создала возможность движения больших воинских масс, снабженных механическим транспортом, вглубь Афганистана.

Включение автомобильных дорог Индии в систему афганских автомобильных дорог (Пешавер—Кабул; Банну—Датта-Хейль — небольшой недостроенный промежуток —

Ургун — город Гардез—Кабул; форт Нью-Чаман — Кандагар), из коих важнейшие: Кабул—Чирикар—Бамиан (в глубине Гиндукуша) и Кабул — Кандагар — Герат—крепость Кушка в СССР, дает возможность английской армии, снабженной автомобильным транспортом, выдвинуться к границам СССР и действовать в советской Азии по нашим железным дорогам, идущим от крепости Кушка к Мерву и от Термеза к Бухаре. Хребет Гиндукуша английские армии могут обтечь с юга и запада и перевалить на Читральском направлении. Наличие в Индии 82 тыс. автомобилей частного транспорта дает возможность в самой Индии в короткий срок изыскать транспортные средства, достаточные для переброски 2-3 корпусов пехоты в советскую Азию.

Эти планы подготовки вторжения англо-индийских армий в советский Туркестан были бы не полны, если бы англо-индийский генеральный штаб своевременно не связался с находящимися на нашей территории и в соседстве с нами враждебными нам силами.

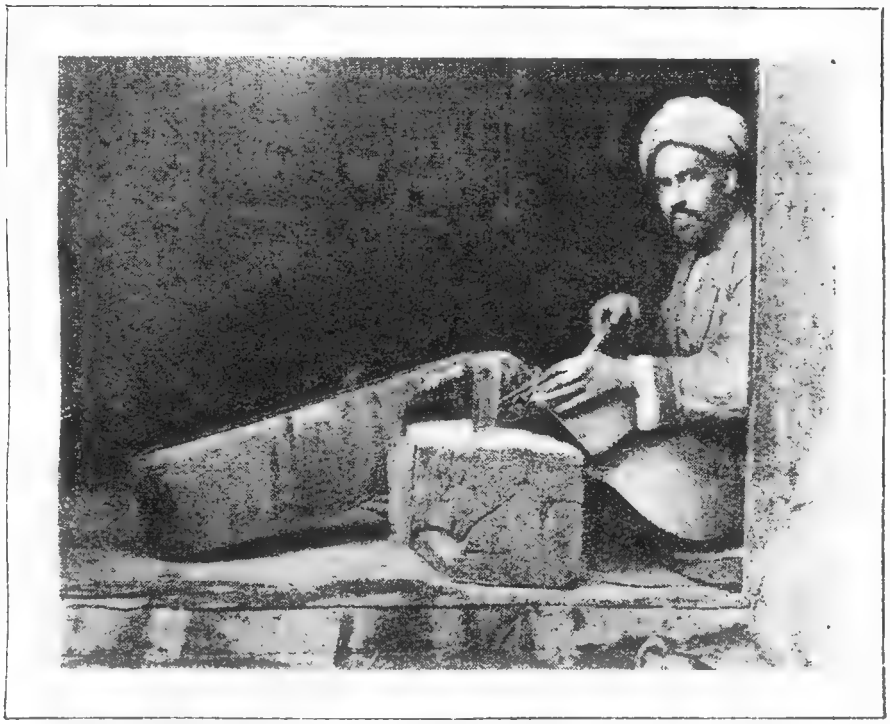
Все это убеждает нас в подготовке Англии к активным действиям в средней Азии. Защита Индии от революционной опасности, которую Британия видит в красном знамени, поднятом на большом Памире, толкает Британскую дипломатию к аггрессивным действиям в Средней Азии.

На пути этой агрессии стоит независимость Афганистана, территория которого может быть обращена в удобный плацдарм для действий англо-индийской армии только в том случае, если Афганистан снова станет вассалом англо-индийского правительства и потеряет свой суверенитет.

Соперники на подступах к Афганистану

Афганистан расположен между СССР, британской Индией, Белуджистаном и Персией.

Афганистан — горная страна, его территория заполнена хребтами Гиндукуша и отрогами Сулеймановых гор.



Выделка инструмента

На севере отроги Гиндукуша переходят в холмистую степь и песчаную пустыню в долине реки Аму-Дарьи, на юге — Гиндукуш спускается к огромным песчаным и глинистым пустыням Регистан и Дешт-И-Марго. Гиндукуш и его отроги расчленяют Афганистан на замкну-

тые оазисы, связанные меж собой ограниченным числом вьючных дорог. Климат этих горных районов определяется степенью их поднятости над уровнем моря. Горные оазисы центрального афганского нагорья имеют суровую зиму и знойное лето; речные долины Джелал-Абадской провинции и Кандагарского района еще более знойны летом, но зима для них это — сезон дождей.

Замкнутые афганские оазисы имеют разные хозяйственные формы. Высокогорные луга с альпийской флорой заняты скотоводами; речные долины центрального Афганистана производят ячмень и пшеницу; афганский Туркестан, в степях которого кочуют туркмены и узбеки, производит хлопок и рис в долинах бегущих с гор рек; Кандгарский и Джелал-Абадский районы дают рис, хлопок и фрукты.

Население Афганистана исчисляется в 7 миллионов. Из этого числа более 3 милл. составляют сами афганцы, около 2 милл. таджики, узбеки и туркмены (тюркская раса) и более миллиона — племена хезаре (монгольская раса). Кроме этих основных расовых групп в Афганистане кочует несколько мелких племен иранского и арабского происхождения, а в центре Гиндукуша, в Кафиристане — в самой недоступной части гор — живет народ нури, пока еще почти не исследованный. Происхождение основной расовой массы — афганцев — точно не выяснено. Дармштеттер и Риттер считают афганцев народом арийским, но сами афганцы склонны считать себя потомками десяти колен Израиля, переселенных, по преданию, персидскими царями на Восток. Некоторые исследователи поддерживают теорию семитского происхождения афганцев, однако изучение афганского языка (пушту) и антропологическое обследование делают это суждение о происхождении афганцев мало вероятным. Основные афган-

ские племена населяют долину реки Кабул, Газнийское плато, район Кандагара и далее южные равнины между Кандагаром и Гератом. Большинство их занимается земледелием, скотоводством и частично садоводством — последнее поощряется системой льгот. Значительная часть афганцев (патанов) живет в Индии, в Сулеймановых горах и в верховьях реки Инд, в княжествах Читрал и Сват и в ханствах Баджаура. Эти живущие в Индии афганцы говорят на языке пушту, общим для всех патанских племен; их обычай и бытовой уклад ничем не разнятся от общеафганского. Все афганские племена разделены больше чем на 400 родов, среди которых сохранились остатки древней вражды, вытекающей из обычая кровавой мести.

Центральное афганское нагорье и область Хезараджат (к западу от меридиана перевала Унай) населяют хезарейцы, народ монгольской расы. В большинстве они — земледельцы, частично скотоводы. Это самый трудолюбивый и в то же время самый нищий народ в Афганистане. Хезарейцы поставляют основную массу рабочей силы центрального Афганистана. Их нищета и способность работать за ничтожное вознаграждение вошла в поговорку: „Если бы не было хезарейцев — ишак стоил бы 1000 рупий". Основное занятие хезарейцев — почти исключительно земледелие, в очень небольшой части скотоводство и труд по найму (носильщики тяжестей, батраки, наемные рабочие, слуги).

Хезарейцы — народность, не исследованная историей. Большинство исследователей сходится на том, что хезарейцы — потомки воинов Чингиз-хана, оторвавшихся от его орд и осевших в Афганистане. У хезарейцев до сих пор сохранились следы древнего быта, в частности следы общности жен. Поэтому и теперь, если хезареец прихо-

дит домой и видит у дверей своего дома поставленные носками к стене туфли мужчины, — он уходит прочь, чтоб не мешать беседе жены с гостем.

По другую сторону Гиндукуша, на северных склонах, живут узбеки и таджики. Таджики населяют Катаган-Бадахшанскую провинцию. Их численность — более 1 миллиона, их основное занятие — земледелие. Это оседлый трудолюбивый народ, мало воинственный и мало культурный. Более энергичными племенами — узбеками и туркменами — таджики оттеснены в глубину гор. Они сохранили древний уклад жизни, в их религиозных верованиях сохранились отчетливые следы ануимизма. В то время как афганцы — мусульмане-сунниты, большинство таджиков — шииты; среди таджиков много также сектантов — измаилитов (измаилия — мистическая секта, в религиозном мировоззрении которой большую роль играет вера в нечистых духов, которые управляют темной судьбой человека). Таджики возделывают хлопковые плантации и рис в горных долинах у подножия Гиндукуша, пшеницу и ячмень в горах. В их селениях много садов, по преимуществу из тутовых деревьев; тутовая ягода — один из видов местного продовольствия.

Соседи таджиков — узбеки — населяют район Таш-Кургана в Мазари-Шерифской провинции. Их численность не достигает миллиона. Большинство узбеков — земледельцы, садоводы и торговцы, хотя значительная часть их попрежнему кочует со стадами. Узбеки — тюркская народность, язык афганских узбеков близок к языку узбеков советского Туркестана. Как самостоятельная сильная народность, узбеки проявили себя в борьбе с Тамерланом в Средней Азии, но эта упорная борьба окончилась разгромом и жестокой резней узбекских племен. В результате ее они должны были уйти за Аму-

Дарью к Гиндукушу, где кочевали и оседали на землю в последующие столетия. В дальнейшем они были покорены афганцами, — но до сих пор узбеки не примирились с этим и между узбеками и афганцами осталась скрытая вражда, идущая из глубины веков. Юго-западнее узбеков, в предгорьях Гиндукуша и в равнине Аму-Дарьи кочуют туркмены, численность которых не превышала полумиллиона, но значительно увеличилась теперь за счет туркмен, откочевавших в Афганистан после Октябрьской революции в числе 170 тысяч семейств. Туркмены, как и узбеки, принадлежат к тюркской расе и являются фанатичными мусульманами.

Герατская провинция, где Гиндукуш понижается и переходит в систему невысоких гор и плоскогорий, населена разными племенами: афганцами, турменами, узбеками, хезарейцами, курдами и кочевыми арабскими племенами. Земледелием (рис, хлопок) заняты афганцы, хезарейцы и частично узбеки, прочие племена кочуют.

Разнообразие племен, населяющих Афганистан, определяет многообразие быта, переходящее в пестроту, и создает в стране весьма сложный национальный переплет. Афганцы, покорившие узбеков, таджиков, хезарейцев и туркмен, вооруженной силой удержали покоренных в повиновении, но их владычество до сих пор встречает оппозицию и скрытую вражду этих народов. Узбеки и таджики, не так давно бывшие свободными, еще не изжили позора поражения, не утратили мечты о независимости. Но слабость покоренных племен, которые в сумме составляют большинство населения страны (при чем за узбеками и танджиками не только численность, но и яркое историческое прошлое), заключается во взаимных раздорах и национальной ненависти. Узбеки ненавидят афганцев, но не в меньшей степени они враждебны хе-

зарейцам и таджикам. Поэтому, если власть афганского правительства ослабнет, страна неминуемо распадется на группу мелких самостоятельных государств, которые не скоро откажутся от вражды между собой. К тому же, если планомерное глубокое вмешательство какого-нибудь мощного государства временно расчленит Афганистан по его национальным группам, то господствующая афганская народность, которая сознает свой вес и познала все преимущества положения правящей народности, при первом случае возобновит борьбу за объединение страны в своих руках.

Геологическое строение Афганистана, заполненного горной системой Гиндукуша, расчлененного отрогами этой мощной системы на замкнутые оазисы; демографический состав населения страны, состоящей из трех рас и нескольких десятков враждующих племен; географическое положение Афганистана, расположенного на единственном узле сухопутных дорог, ведущих из Индии к Черному морю и Средиземному морю на запад и в Среднюю Азию на север — все эти условия не могли способствовать развитию сильного государственного организма.

История Афганистана в древности — это история большой дороги, по которой катились людские потоки великого переселения народов, шли орды завоевателей, на которой остались многообразные наслоения древних, последовательно исчезнувших культур, выросших и развившихся на путях от Индии к Средиземному морю. В эпоху великих нашествий монголов и персов Афганистан обычно входил в состав мощных государственных образований, которые возникали и развивались в Индии (империя великих Моголов), Персии (Империя Надир-шаха) или Средней Азии (эпоха Чингиз-хана и

Тамерлана). Впервые в истории об афганцах упоминает Геродот, который зовет их пактиенами (сами афганцы зовут себя „афган“ или „патан“ — второе слово вполне родственно геродотовскому) в своем перечне народов, подчиненных Дарию Гистаспу. В дальнейшем об афганцах сообщают китайские путешественники (в первые века христианской эры) и, наконец, подробные сведения о них дают арабские писатели X и XIII столетий. До XIII

Вожди кочевого племени моманды

столетия афганцы были известны, как воинственные дикие племена, населяющие Сулеймановы горы и южные склоны Гиндукуша. Их основным занятием было скотоводство, у своих соседей — сикхов и персов — афганцы имели прочно установившуюся разбойничью репутацию. Нашествие монголов, разоривших страну и уничтоживших цветущие индусские княжества в Кабульской долине, дало возможность афганцам спуститься с гор в опустошенный край и поселиться в долине реки Кабул и на

Газнийском плато. Они подчинили себе и ассимилировали остатки уничтоженных монголами народов, а в дальнейшем прочно обосновались на новых землях. В течение XV столетия афганцы захватили район Кандагара на юге и распространились к верховьям реки Инд на севере. Этому процессу насильственного захвата новых земель в значительной степени способствовало то обстоятельство, что в течение XIV и XV веков афганцы, как отличные воины, непременно входили в состав персидских армий и пользовались, в то время обычным, правом военного захвата. Но в XVI веке великий султан Бабур покорил Афганцев и остановил их движение в Индию. Разгромив афганцев в жестоких битвах в Сулеймановых горах, султан Бабур основал огромное и великолепное индийское царство, сделав одной из его столиц город Кабул. Его блистательное правление, ознаменованное миром в стране и победными внешними войнами, до сих пор сохранилось в памяти афганцев, и могила Бабура в Кабуле до сего дня — предмет паломничества благочестивых мусульман.

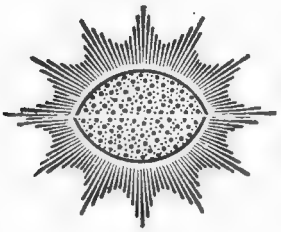
После смерти султана Бабура XVI и XVII века для Афганистана были веками междоусобиц, в процессе которых афганцы прочно овладели верховьямн Инда, долиной реки Кабул, Газнийским плато и Кандагарской областью.

Выступления афганцев на арену истории в качестве самостоятельной государственной организованной силы относится к середине XVIII века (1747 г.), когда Индийская империя великих Моголов пала под ударами внутренних восстаний и персидского нашествия. В то время, когда воины Надир-шаха вторглись в Индию по южным путям Афганистана, через Герат-Кандагар, (Надир-шах организовал великое персидское государство

от Инда до Кавказа), племена Кабульской долины и Газнийского плато были объединены Ахмед-шахом из коренного афганского племени дурани. После внутренних войн и междоусобиц Ахмед-шах образовал первое афганское государство от Персидского Хорасана до Инда. Период царствования Ахмед-шаха дурани характерен слабостью центральной власти в Афганистане. Процесс оседания афганцев на землю только что начался, и в руках родовых старейшин — ханов и маликов — собрались огромные земельные владения и сосредоточилась феодальная власть. По существу своему Афганское государство времен Ахмед-шаха представляло собой федерацию феодалов, отдельных ханств, разобщенных горными хребтами, часто лишь номинально признававших власть Ахмед-шаха, еще чаще не признававших ее вовсе и враждовавших с ней. Ахмед-шах не имел ни правильно организованной армии, ни хороших путей сообщения для того, чтобы подчинить себе непокорных ханов. Ополчение, выставляемое Кабульским, Газнийскими и Кандагарскими ханами по его призыву, не годилось для борьбы с феодалами, тем более, что даже на этих ханов эмир не мог положиться в полной мере. По существу дела, Ахмед-шах был не полновластный государь, а только первый феодал страны, первый между равными. После смерти Ахмед-шаха Афганское государство было разодрано на отдельные княжества и его последующая история заполнена войнами и вторжениями, борьбой с персами на западе, с сикхами на востоке, внутренними междоусобицами. И в этом длительном процессе борьбы отдельные провинции Афганистана то подпадают под власть соседей, то снова объединяются в государственное целое.

Этот длительный процесс осложняется выдвижением Англии к верховьям Инда и царской России к Хивин-

скому оазису и Бухарскому эмирату. Наполеоновский проект похода в Индию привлекает к Афганистану, через который лежат все сухопутные дороги из Европы и Средней Азии на Индию, тревожное внимание англичан и всей Европы.



Аманулла-хан,

падишах Афганистана, в национальном костюме

Борьба за влияние в Афганистане

Политическое значение Афганистана определяется географическим положением страны, на территории которой находятся все важнейшие стратегические подступы к Индии.

На всем протяжении своих сухопутных границ Индия отгорожена от мира системой величайших снеговых гор. (Гиндукуш—Гималаи, и от стыка этих систем, от верховьев Инда к югу—Сулеймановы горы). В этой мощной горной дикой системе имеется очень ограниченное число горных проходов, пути к которым сходятся в Афганистане. Известные с давних времен, эти пути видели тяжелую пехоту Александра Македонского, орды Чингиз-хана и полчища персов. Эти пути были одновременно и важнейшими транзитными путями, по которым шла караванная торговля между рынками Индии и Средней Азии. Продолжением их был великий водный путь русской речной системы. После открытия морского пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды, торговля ушла с караванных путей на более дешевые морские пути, и Афганистан утратил свое былое торговое значение, но старые караванные дороги и поныне сохраняют значение стратегическое.

Экономика Афганистана, в определении политического значения страны, занимает второстепенное место. Народное хозяйство Афганистана почти не создает излишков; горные недры почти не исследованы и не разрабатываются; число путей сообщения ограничено. Все это делает страну малоемким рынком сбыта и малоценным источником сырья.

Таким образом политическое значение Афганистана определяется почти исключительно стратегически важным географическим положением страны, и военный гений Наполеона привлек внимание Европы к Афганистану, как к стратегическому подступу к Индии.

До наполеоновских войн англичане, владевшие Индией и зорко ее оберегавшие, считали бесспорным, что нападение на Индию может быть сделано только с моря. Наполеон, в союзе с русскими, задумал поход на Индию через Афганистан. В осуществление его Павел I двинул к Оренбургу казачьи корпуса. Этот не получивший развития проект указал англичанам на огромную важность Афганистана в деле обороны Индии. Для того, чтобы обеспечить за собой Афганистан, Англия в 1809 году, в правление эмира Шах-шуджа, завязала с Кабулом дипломатические отношения (миссия Эльфинстона) и заключила так называемый калькуттский договор, по которому Афганистан обязался не открывать своей территории для пропуска иностранной армии. Однако, этот договор вскоре был анулирован очередным дворцовым переворотом в Кабуле и тревоги англичан воскресли с новой силой. Несмотря на эту неудачу, Англия не отказалась от мысли превратить Афганистан в буфер между Индией и Россией. В начале XIX века междоусобная борьба феодалов выдвинула на историческую арену новое лицо—энергичного и талантливого эмира Дост - Мухамед - хана. Ему удалось подчинить себе феодалов центрального афганского нагорья, Газнийского плато и Кандагарской провинции. С помощью выставленных феодалами ополчений, он распространил свою власть на всю страну, и при нем начались процесс объединения Афганистана и централизация власти. В этой своей политике Дост-Му-

хамед-Хан попытался найти поддержку Англии, чтобы с ее помощью вернуть себе прежние афганские территории в верховьях Инда и в Сулеймановых горах, захваченные образовавшимся в Северном Ленджабе мощным государством сикхов (сикхи — индусы-мусульмане, населяющие Пенджаб). Англия, которая хотела сохранить добрососедские отношения с сикхами, попыталась удовле-

Пастбище овец

творить требования Афганистана путем дипломатических компромиссов. В Кабул была послана специальная миссия Бернса, которая в вопросе о спорных территориях повела примиренческую политику. Но эта политика не имела успеха, так как Дост-Мухамед-хан энергично настаивал на своих требованиях. Переговоры были безрезультатны, и когда это выяснилось, эмир неожиданно повернул фронт и обратился за поддержкой к России.

Россия послала в Афганистан с полуофициальной миссией поручика Виткевича, который повел в Кабуле энергичную борьбу с англичанами за влияние (1837 г.). Появление в Кабуле представителя России, тогда еще только достигшей реки Сыр-Дарьи и весьма далекой от границы Индии, произвело на англичан весьма тревожное впечатление. Дипломатическим нажимом в Европе Англия добилась отзыва поручика Виткевича и принудила царское правительство дезавуировать его разъяснением, что Виткевич не имел никаких поручений правительства и действовал на собственный риск и страх (Россия пошла на это, так как была занята Персией и Закавказьем и не очень интересовалась Афганистаном). Наряду с этим за один факт сношений Афганистана с Россией Англия послала Дост-Мухамед-хану ультиматум, в котором потребовала высылки Виткевича и признания за сикхами права на захваченные ими афганские территории. Ультиматум был отклонен и в 1838 году началась первая афганская война, которая в 1839 г. закончилась взятием Кабула.

Шах-Шуджа, который Дост-Мухамед-ханом был изгнан в Индию, вернулся на престол, но в 1841 году в Кабуле вспыхнуло восстание. Английский гарнизон был вырезан, и в Афганистане возникла партизанская война против англичан (джехаат — священная война), поставившая английские войска в чрезвычайно тяжелое положение. Чтобы как-нибудь выйти из затруднения, англичане вернули на престол Дост-Мухамед-хана.

Горький опыт заставил англичан признать в Афганистане опасного противника и вместе с тем привел их к мысли, что дикий воинственный Афганистан в силу своего стремления к свободе и независимости будет не менее опасен и для России.

Однако, эта же война показала и Афганистану, что иррегулярным войскам трудно бороться с правильно организованной армией: страна была спасена восстанием, священной войной, которая успешно протекала благодаря отсутствию путей сообщения, потребовавших от англичан организации легко уязвимых огромных вьючных транспортов. Уроки войны заставили Дост-Мухамед-хана приступить к организации армии на европейский лад.

Первые регулярные части были сформированы в Балохском ханстве в г. Мазар-И-Шериф. Формирование и обучение войск было поручено английскому офицеру Кемпбеллю, который был взят афганцами в плен, принял ислам, был назван Шир-Мухамед-ханом и получил чин генерала Афганской армии. Кемпбелль организовал армию по английским образцам, разделив ее на пешие и конные полки и придал полкам пешие и конные батареи. Из людских масс феодальных ополчений Кемпбеллю удалось создать небольшую, но правильно организованную и не плохо обученную армию. 20 лет работы Кемпбелля были очень полезны Афганистану, который получил кадры военно-обученных людей. Но смерть Кемпбелля оборвала процесс организации армии. Афганистан не нашел ему достойного заместителя и к 70 годам XIX века армия Кемпбелля распалась. Все же влияние работы Кемпбелля сказалось на всем устройстве афганских вооруженных сил — благодаря ему афганское правительство получило силу, которая дала возможность сократить произвол ханов и прочнее утвердить влияние правительства в дальних провинциях. К 70 годам минувшего столетия у границы Афганистана складывается новая политическая обстановка. В результате завоевания русскими Туркестана и английских завоеваний в вер-

ховьях Инда, Россия и Англия вплотную придвинулись к Афганистану.

В последующие годы Россия выдвинулась к реке Аму-Дарье, а Англия овладела всем течением реки Инд и разгромила государство сикхов. Движение русских вызвало сильную тревогу в Англии, тем более, что в России в близких к правительству кругах началась агитация в пользу индийского похода. Путем интенсивного дипломатического нажима в Европе, Англии удалось заставить Россию признать Афганистан лежащим вне сферы русского влияния, а в 1872-73 гг. удалось заключить с Россией удовлетворившее англичан соглашение о северных границах Афганистана в верховьях Аму-Дарьи. Английские страхи однако на этом не улеглись, и Англия занялась энергичной подготовкой к полному захвату Афганистана. Афганистану было предложено принять постоянное английское посольство. Правивший Афганистаном после смерти Дост-Мухамед-хана эмир Шир-Али-хан ответил отказом и одновременно обратился за поддержкой к России.

Россия в 1878 году была обозлена враждебным выступлением Англии против России в момент окончания русско-турецкой войны, когда русские войска приближались к Константинополю, и это побудило русское правительство произвести демонстрацию в Туркестане, чтобы повлиять на лондонский кабинет видимостью угрозы Индии. Обращение Шир-Али-хана было на руку русскому правительству—и правительство приказало находящимся в Туркестане войскам произвести военную демонстрацию и спешно выступить к афганской границе. В Кабул была послана специальная миссия во главе с генералом Столетовым. Особого значения этой демонстрации царское правительство не придавало (для него эта демонстрация

КАРТА АФГАНИСТАНА

была средством нажима на Англию в турецком вопросе), но для Афганистана выступление царской России имело тяжелые последствия. Шир-Али-хан поверил в серьезность русских намерений, принял миссию Столетова с величайшим почетом и, по его собственному выражению, „отдал ключ от ворот Индии в руки России".

Встревоженное новой активностью русских англо-индийское правительство категорически потребовало приема в Кабуле английской миссии. Новый отказ Афганистана, которому была обещана русская военная поддержка, был использован англичанами для объявления Афганистану войны (2-я англо-афганская война в 1878-80 гг.).

Английская ар ия двумя колоннами вторглась в Афганистан. Шир-Али-хан не получил от русского правительства обещанной помощи, бежал из Кабула и по дороге умер. Преемник Шир-Али-хана, Якуб-хан, отказался от дальнейшего сопротивления и заключил мир, по которому афганское правительство отказалось от права вести внешние сношения иначе, как при посредстве англо-индийского правительства. Однако, договор этот не был признан афганским народом и прибывшая в Кабул британская миссия была перебита восставшими. Военные действия возобновились, снова была провозглашена священная война и весь Афганистан встал под ружье. Военные расходы англичан достигли огромной суммы — в 200 миллионов золотых рублей — и английское правительство искало случая выйти с честью из положения. Положение английских войск становилось все более тяжелым: армия генерала Робертса была осаждена в самом Кабуле восставшими афганцами, английские военные транспорты гибли в горных теснинах, расстреливаемые партизанами из засад. Война приобретала все более тяжелый для

Англии характер. К довершению неприятностей Афганистан стал объединяться вокруг нового претендента на афганский престол Абдур-Рахман-хана, на сторону которого перешли города Северного Афганистана. Абдур-Рахман двигался к Кабулу с отрядами горных племен Гиндукуша. Английское правительство поспешило завязать с ним переговоры, признало его эмиром Афганистана и заключило мир, согласно которому Абдур-Рахман-хан получал обратно занятый английскими войсками Кандагар, получал английскую субсидию, но взамен этого обязался не входить в политические сношения с какой-либо державой, кроме Англии, и подчинил свою внешнюю политику англо-индийскому правительству.

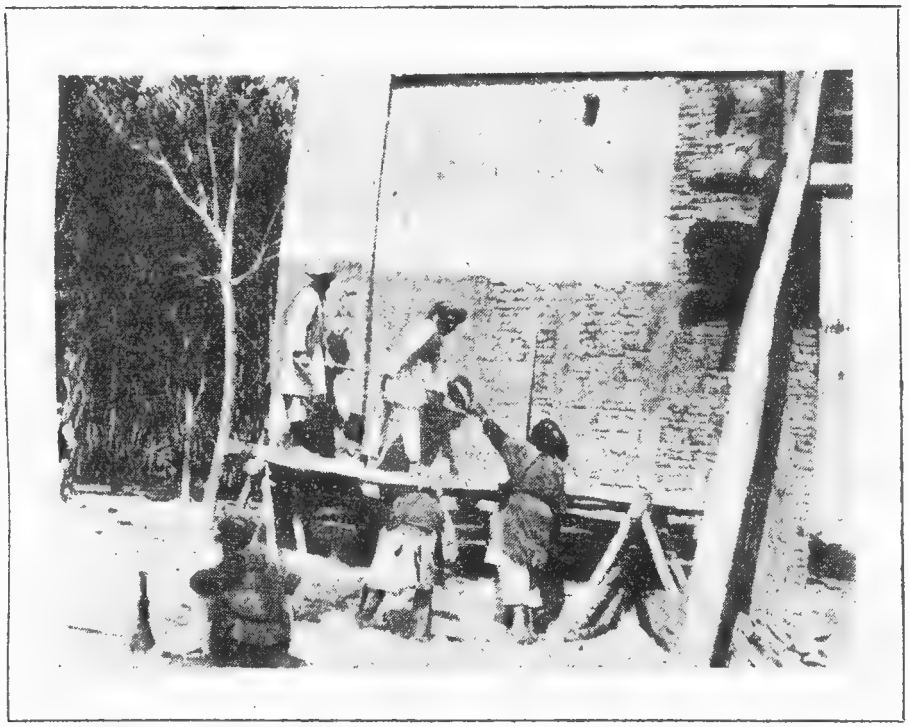
Эмир Абдур-Рахман-хан, дед Аманулла-хана, правил страной с 1880 по 1901 год. Энергичный, дальновидный политик, он сумел путем междоусобных войн и выгодных договоров объединить Афганистан и централизовать государственное управление.

Этой работе по собиранию страны большую помощь оказала политика Англии. Англо-индийский генеральный штаб, на опыте трех войн и карательных экспедиций убедившийся в силе сопротивления афганских племен, отказался от планов завоевания Афганистана. В новых планах англо-индийского генерального штаба Афганистан с его путанным лабиринтом горных хребтов и теснин, населенных свободолюбивыми полудикими племенами, рассматривался, как естественная система заграждений, устроенная перед крепостной стеной Индии — хребтами Сулеймановых гор.

В соответствии с этими уроками и новыми планами английское правительство отказалось от вмешательства во внутренние дела Афганистана, но одновременно приняло меры к тому, чтобы сделать Афганистан запрет-

ной страной для других стран и прежде всего для России.

Абдур-Рахман-хан отчетливо сознавал всю трудность положения Афганистана между Сциллой и Харибдой — между Россией и Англией. Он говорил: „рыжая собака или белая собака—все равно собака", разумея англичан



Строительные рабочие

и русских. Англия заключила с ним договор, в соответствии с которым Абдур-Рахман в обмен за английскую субсидию и помощь оружием для сформированной им молодой афганской армии отказывался от права внешних сношений с другими государствами. Этот договор поставил Афганистан в полувассальное положение к Англии. Афганистан стал запретной страной для иностранцев, строжайше изолированной от чужого прони-

кновения. Дважды Россия явочным порядком нарушала этот запрет: в 1885 году русские войска захватили оазис Пенде и заложили там крепость Кушка, а затем заняли Большой Памир, овладев таким образом одним из подступов к Индии. Энергичное выступление английской дипломатии вынудило Россию вернуть часть захваченного (Малый Памир и Вахан); за Россией окончательно были закреплены Большой Памир и Кушка.

Отказавшись от самостоятельной внешней политики, Абдур-Рахман-хан, благодаря английской субсидии и помощи оружием, получил возможность всю энергию своего правительства обратить на устройство внутренних дел страны. В первые годы своего правления Абдур-Рахман-хан по существу дела был только сильнейшим феодалом своей страны и упорная борьба за объединение Афганистана шла с переменным успехом. Несколько раз правительство Абдур-Рахман-хана было накануне падения, и вся трудность его положения станет нам понятна, если мы вспомним, что Афганистан не только расчленен горными массивами, но и населен народами трех разных рас, враждующих между собой, в свою очередь разделенных на многочисленные племена, вечно занятые сведением счетов кровной мести. Упорное сопротивление феодалов и родовых общин собиранию страны в крепкие руки правительства Абдур-Рахман-хану удалось сломить лишь после 15 лет войн и походов сформированной из взятых на пожизненную службу афганцев 80-тысячной армии.

Абдур-Рахман-хан организовал постоянную армию с пожизненным сроком службы. Армия комплектовалась отчасти добровольческой системой, отчасти принудительным набором рекрут из числа солдат феодальных ополчений. Впервые в истории афганистанская армия была

одета в однообразную форму и путем применения суровых наказаний для виновных и щедрых наград для отличившихся в армии была введена твердая дисциплина. Англичане, заинтересованные в усилении Абдур-Рахман-хана, широко помогали его военным начинаниям. С их помощью армия была перевооружена, старые гладкоствольные ружья и фитильные пушки были заменены казенно-зарядными винтовками, а в 1887 году с помощью английских инженеров в Кабуле был построен оружейный завод, производивший винтовки, огнеприпасы и в дальнейшем даже артиллерию.

Сформированная Абдур-Рахман-ханом армия дала ему возможность выиграть борьбу против феодалов и справиться с восстаниями национальных меньшинств. Военные успехи правительства были закреплены глубокой и энергичной политикой. К престолу эмира были привлечены признавшие его власть афганские ханы и малики, которым были предоставлены места в королевском правительстве. Феодалы, ханы и малики были лишены права чеканить монету, иметь войско и творить суд. Непокорные были казнены — до сих пор в Кугистане говорят: „Абдур-Рахман срубил столько голов в Кугистане, что из них можно выстроить минарет“. Феодалы и родовые старейшины кочевых племен признали власть эмира и подчинились его правительству.

Справившись с сопротивлением племен внутренних районов Афганистана, Абдур-Рахман-хан сломил сопротивление феодалов афганского Туркестана, разгромив отряды таджикских и узбекских „мир'ов“ (князей). Для этого ему пришлось проложить в стране ряд дорог, по которым можно было двигать войсковые колонны с артиллерией. Чтобы обезопасить себя со стороны феодалов афганского Туркестана, Абдур-Рахман-хан конфисковал

их земли и роздал в награду отличившимся в войне офицерам, обязав их лучшую часть земель сдавать в аренду коренным афганцам, которые в числе многих десятков семейств выселились за Гиндукуш, чтобы колонизовать новый край.

Административное управление окраин тоже было реорганизовано. Власть была окончательно отнята у феодалов и управление провинциями было поручено губернаторам, назначенным из числа людей, лично известных и преданных Абдур-Рахман-хану.

Многочисленная и отлично вооруженная полиция, организованная эмиром, дала возможность новым правителям провинций — губернаторам — углубить работу по централизации страны, сломить остатки сопротивления новому режиму и ликвидировать широко процветавшую работорговлю и бандитизм.

Работорговля была одним из постоянных факторов бандитизма. Кочевые племена и отряды феодалов разоряли страну, совершая набеги и уводя людей в рабство. Работорговля была доходным занятием. Но получение новых рабов для продажи было возможно лишь в порядке вооруженных экспедиций. Отсюда вытекал неутихавший бандитизм, разорявший часто цветущие районы. Борьба с работорговлей была борьбой за спокойствие и за хозяйственный прогресс страны.

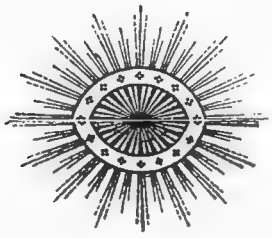
Продолжая политику централизации, Абдур-Рахман-хан встретил сопротивление духовенства, которое срослось с ханами и феодалами и часто шло вместе с ними против правительства. Реформы административного аппарата, вытеснение власти феодалов властью чиновников правительства задело и некоторые привилегии духовенства, которое вообще на мусульманском Востоке является опорой консерватизма и покровителем обычаев старины.

Борьбу против духовенства Абдур-Рахман-хан повел двумя путями: с одной стороны он лишил духовенства церковных земель и выбил из-под него материальную опору, с другой стороны он стал сам известен как знаток Корана, безупречный мусульманин и признанный покровитель ученых богословов и святых людей. Чтобы окончательно сломить сопротивление духовенства, Абдур-Рахман-хан поставил его от себя в экономическую зависимость, взял городское духовенство на государственное жалование.

Успокоив, замирив страну и проложив военные дороги для своей артиллерии, Абдур-Рахман-хан тем самым создал условия, удобные для развития внутренней торговли страны, и эпоха Абдур-Рахман-хана — это эпоха молодого абсолютизма, под защитой которого стал развиваться торговый капитал. Излишки сельскохозяйственных продуктов, которые накоплялись в имениях афганских ханов и во вновь организованных крупных земельных владениях в афганском Туркестане, товарные избытки кочевого хозяйства (каракуль и шерсть) стали предметом обмена внутри страны и торговли с Индией и Персией. В натуральном крестьянском хозяйстве страны были пробиты первые бреши, в городах начали накопляться богатства. Торговый капитал получил первые возможности развертывания и с его операциями связали свое богатство некоторые афганские сардары (князья-землевладельцы).

Во внешней политике Абдур-Рахман-хан был в полной зависимости от Англии, но всякая попытка англичан вмешаться во внутренние дела Афганистана встречала энергичный отпор. Кроме того Абдур-Рахман-хан сумел отвести из-под английского контроля и свои сношения с афганцами, жившими в Индии. Он широко помогал племенам свободного сархата—момандам, афридиям, вазирам

и максудам в их борьбе за независимость. Восстания этих племен, происшедшие в 1895-1900 гг. были тайно поддержаны Абдур-Рахман-ханом и в результате этих восстаний англичане вынуждены были приостановить свое поступательное движение в область независимых афганских племен, населяющих верховья Инда и Сулеймановы горы.



На путях к Афганистану

Полоса независимых племен

„Северо-западная граница Индии", в которую входит и „полоса независимых племен", лежит между течением Инд и афганской границей. Эта полоса почти вся заполнена горами, которые в северной части являются отрогами Гиндукуша, а центральную и южную часть занимают горы Сефидкух и Сулеймановы горы. Весь этот район населен патанскими (афганскими) племенами, которые говорят на общем с афганцами языке пушту и занимаются в большей части скотоводством, а в долинах горных рек — земледелием.

Историческая судьба патанских племен верховьев Инда была несколько иной, чем судьба Афганистана. Недоступность их страны и ее удаление от великих исторических путей поставили эти племена вне исторических событий и они жили своей изолированной жизнью, занимаясь скотоводством и спускаясь для разбоя в долину Инда.

Во времена Абдур-Рахман-хана племена, населяющие верховья Инда и полосу независимых племен, были независимы от англичан. Но разгром государства сикхов и захват англичанами Пешавера сделал эти племена прямым соседом англичан и объектом английской экспансии. С 1890 года английские военные экспедиции (полковника Дюранда и других офицеров и политических агентов Англии) проникают в верховья Инда. Подчинив себе княжество Кашмир, англичане ищут повода вмешаться во внутренние дела княжеств Сват и Читрал в верховьях реки Инд.

В 1892 году умер Аман-Аль-Мульк, правитель Читрала (он носил древне-персидский титул мехтара, который указывает на историческое происхождение князей Читрала). После него осталось 17 сыновей. Сыновья Аман-Уль-Мулька вступили в междоусобную борьбу за престол. В эту борьбу вмешался и хан соседнего княжества Джандоля — знаменитый Умра-хан, гроза северо-западной границы 90 гг. Англо-индийское правительство, основываясь на старых вассальных отношениях Читрала к Кашмиру, который в свою очередь находился под английским протекторатом, признало необходимым вмешаться в вопрос о значении нового мехтара Читрала. В город Читрал прибыл английский гарнизон, но его прибытие вызвало восстание читральцев, во главе которых стал брат Аман-Уль-Мулька—Шер-Афзуль-хан, а на помощь восставшим прибыли отряды Умра-хана. Английский гарнизон был осажден в Читрале. На помощь гарнизону из Пешавера была снаряжена так называемая читральская экспедиция генерала Лоу и после ряда сражений англичане оккупировали княжество Читрала,а затем и княжество Сват. Дальнейшая жизнь и развитие этих княжеств шли под контролем английского резидента, назначенного в качестве постоянного представителя индо-британского правительства при княжеских дворах, при чем резидентура была защищена английским гарнизоном. В 90 гг. верховья Инда и населяющие их афганские племена были взяты под бдительный английский контроль, обеспеченный сильными гарнизонами. Но находившиеся южнее Читрала в области Баджаур княжества Баджаур и Дир, управляемые навабами, и ханство Джандоль сохранили свою независимость. Эти три небольшие государства, управляемые потомками и родственниками Умра-хана, несмотря на многочисленные английские экспедиции

сумели отстоять свою свободу. Их дикая горная страна, населенная вооруженными племенами, малодоступна. Кочевые народы этих княжеств воинственны и способны к длительной борьбе. Потерпев неудачу в проникновении в Баджаур, англичане вынуждены были для защиты от набегов баджаурских горцев сильно укрепить селения Кала-И-Дрош, Миан-Калай и Чакдара и этим ограничить

Продажа дынь

свое продвижение. Впрочем стратегическая цель Читральской экспедиции англичанами была достигнута: захватив Читрал, они получили возможность контролировать перевал Дора, через который идет караванный путь в долину реки Аму-Дарьи.

Между группой княжеств, расположенных в верховьях Инда, и течением реки Кунар, в горной стране, которая

на обращенных к реке Кунар склонах покрыта лесами, а на юго-восточных склонах обнажена и камениста, живет независимое племя момандов. Страна момандов сурова и бедна. Горные склоны покрыты альпийскими лугами, в долинах рек возделаны убогие пашни, вокруг редких поселков, укрепленных глиняными стенами с башнями по углам, разбиты небольшие сады, в которых растет слива и большая твердая груша, терпкая и жесткая. Эту страну населяют момандны—одно из самых воинственных афганских племен. Попытки англичан проникнуть в страну момандов были отражены с тяжелым уроном. Сами момандны неоднократно подходили к Пешаверу, и на их границах не утихала партизанская война. Момандны не только сохранили свою независимость, но и остались способны к активным действиям против англичан.

Южнее момандов, по сторонам Хайберского прохода в скалистых пустынных горах, скупо покрытых травяным покровом, живет племя афридиев. Владея Хайберским проходом, афридии постоянно беспокоили англичан, так как безопасность сношений Индии с Кабулом зависела от их поведения. Такое географическое положение владений афридиев естественно придавало им большое стратегическое значение. В течение всего десятилетия (1890-1901 гг.) в стране афридиев шла непрерывная партизанская война между английскими отрядами, охранявшими Хайберский проход, и афридиями-партизанами. Мелкие отряды афридиев охотились на английских часовых и выстрелами из-за камней снимали их с поста; крупные отряды нападали на форты. Это состояние непрерывной борьбы закончилось соглашением, в соответствии с которым за крупную английскую субсидию афридии отказались от нападений на Хайберский про-

ход и гарантировали безопасность движения по Хайберскому ущелью.

На Тирахском плато соседями афридиев являются племена тури, жаги и оракзаи. Племена эти вечно враждуют меж собой, так как часть из них сунниты, а другая часть шииты (два разных магометанских толка) и

Развеска муки на базаре

это состояние постоянной войны лишило племена возможности серьезного сопротивления. Тирахское плато легче других районов подпало под английское влияние и под контроль английской политической агентуры. К югу от Тирахского плато, между реками Точи и Гумал, находится Вазиристан. Горные цепи Сулеймановых гор

идут в Вазиристане к югу и востоку и крутыми голыми кряжами обрываются к долине реки Инд. Крупнейшие вершины этих гор — Пир-Галь и Шуйдарм — подымаются более чем на 11 тыс. футов. Проникновение в Вазиристан с востока очень трудно, так как оно наталкивается на узкие ущелья, загроможденные скалами и огромными валами камней. Климат Вазиристана в горных долинах очень жаркий, и лето остается жарким до высоты в 5-6 тысяч футов. Зима в долинах бесснежная, в горах — снежная и морозная. Вазиристан в большей своей части покрыт голыми горами и только местами сохранились остатки когда-то покрывавших его лесов. Плоскогорья у афганской границы покрыты скупым травяным покровом, и на них кочуют стада, принадлежащие вазирам и максудам. Долины рек плодородны, в долинах сеют пшеницу, рис и разводят сады.

Вазиры и максуды, населяющие страну, по преимуществу кочевники. Оседлая часть племен живет в кишлаках, укрепленных стенами и башнями. Население Вазиристана около 300 тысяч. Оно делится на 5 главных племен: дервиш-хейль, вазиры, максуды, дауры и бетани. Их язык — общий всем афганцам язык пушту. Дауры населяют плодородную долину реки Точи. Они—трудолюбивые земледельцы, отчасти скотоводы и хорошие воины. Бетани населяют восточную часть Вазиристана — самый дикий скалистый район. У них старая кровная вражда с максудами и между этими племенами постоянная партизанская война. Центр Вазиристана населен максудами — самым неспокойным и склонным к разбоям племенем. Северная, западная и южная части Вазиристана населены дервиш-хейль и вазирами, которые летом кочуют по горным пастбищам, а зимой спускаются в речные долины. Боевые качества вазиров и

максудов очень высоки. Ловкость, неутомимость, способность к быстрому передвижению по горам, непритязательность в пище, непревзойденная ловкость в стрельбе из винтовки делают их исключительно умелыми бойцами в их горной стране.

Максуд терпелив в выслеживании неприятеля, бьет его только наверняка, в самый неожиданный для него

Приезд падишаха в Мазаршери

момент. Вазир более горяч и порывист, склонен к рукопашной схватке. Эти боевые качества племен Вазиристана надолго обеспечили их от проникновения англичан и долго мешали англичанам утвердиться в Вазиристане.

Южнее Вазиристана лежит страна белуджей — Белуджистан. Белуджистан давно замирен англичанами, его территория придавлена мощной крепостью Кветта, в его горах устроены сильные форты Сандеман, Лоралай,

Нью-Чаман и другие, связанные меж собой автомобильными и железными дорогами. Белуджистан потерял способность к сопротивлению, да и населяющие его народы гораздо менее воинственны, чем племена свободного сархата.

Общее восстание племен независимой полосы в 1895-1900 гг. было поддержано Абдур-Рахман-ханом, но оно не имело окончательного успеха. Англичане все же удержались и утвердились в княжествах Сват и Читрал, оставили под угрозой навабства Дир и Баджаур и ханство Джандол и вынесли к северу от Пешавера ряд сильных, связанных меж собой хорошими путями сообщения, снабженных артиллерией фортов. Полосе независимых племен пришлось оградиться от английского проникновения организацией постоянной партизанской войны на своих границах и постоянной готовностью к вооруженному отпору.

Афганистан при Хабибулле-хане

После смерти Абдур-Рахман-хана (1901 г.) на престол вступил сын его Хабибулла-хан. Хабибулла-хан в первые годы царствования пытался продолжать политическую линию своего отца, но с течением времени заметно отошел от твердого руководства государством, попал под влияние министров и советников и целиком ушел в частную жизнь своего огромного гарема. Группа энергичных националистов-сардаров, окружавших трон Абдур-Рахман-хана в подследние годы его правления, при Хабибулла-хане постепенно была оттеснена от решения государственных вопросов, и главную роль в стране стали играть новые министры, которые незамедлили поступить на английское содержание. Не только внешняя политика Афганистана, но и его внутреннее развитие попали под английский контроль.

Успехи английского правительства объясняются еще и тем, что Россия окончательно отстранилась от активного вмешательства в афганские дела. Крах дальневосточной авантюры, проигрыш русско-японской войны, выступление Германии на арену мировой политики, все это вынудило Россию отказаться от соперничества в Средней Азии и пойти на заключение с Англией конвенции 1907 года. Конвенция разграничила сферы влияния на всем ближнем и среднем Востоке и в договоре о разграничении было указано, что Россия „признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния и обязуется пользоваться для всех своих сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского

величества". Англия со своей стороны обязалась „не изменять политического положения Афганистана... и осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле, не принимать в самом Афганистане и не поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России". Кроме того, Россия признавала за Англией право вмешательства во внутренние дела Афганистана, если Афганистан не будет соблюдать англо-афганского соглашения.

Так кончилось соперничество, заполнившее несколько десятилетий и вызвавшее ряд войн, полным отступлением России и отказом от активности в Средней Азии.

Конвенция 1907 года столь явственно признает Афганистан британской колонией, что даже эмир Хабибуллахан, получавший огромную днежную субсидию от английского правительства, отказался признать конвенцию, опасаясь потерять всякий политический авторитет в глазах своих поданных. Но его отказ ничего не изменил: Англия и Россия осуществляли конвенцию явочным порядком. Добившись этой конвенции, превратившей Афганистан в признанного вассала Англии, англо-индийское правительство занялось укреплением своих подступов к Афганистану в полосе независимых племен.

В верховьях Инда английские политические агенты, осуществлявшие политический контроль при княжеских дворах Свата и Читрала подкупом и военным нажимом, добились у мехтара Читрала и короля Свата разрешения на постройку дорог. В течение первых двух десятилетий XX века англо-индийское правительство воспользовалось этим разрешением, чтобы соединить колесным путем станцию Даргай с фортами Чакдара и Кала-И-Дрош и довести колесный путь до города Читрал, а также про-

вести ряд колесных дорог в Сватском королевстве. Колесные дороги и прочные мосты, переброшенные через горные реки, сделали весь район верховьев Инда доступным для действий английской пехоты и артиллерии и окончательно закрепили английское влияние в этих княжествах. Фактическая власть перешла к английским резидентам, так как князья вынуждены были признать невозможным всякое сопротивление, поскольку была разрушена главная сила страны — ее недоступность. Одновременно с этим английская агентура деньгами и оружием помогала этим двум крупным княжествам сломить сопротивление мелких горных ханов и содействовала росту княжеств. Эта политика укрепления больших княжеств за счет мелких владений (до известного предела силы крупного княжества) вполне отвечала общим английским интересам в верховьях Инда, так как крупное княжество легче подчинить военно-полицейскому контролю, и владетельный князь больше дорожит своим положением, а значит больше зависит от англичан, чем мелкий горный феодал.

Афганские племена, населяющие Сват и Читрал, были таким образом обращены в вассалов английского правительства, а племена, населающие ханство Джандоль и навабство Дир и Баджаур, были поставлены перед угрозой захвата их земель сильными владетелями Свата и Читрала и вынуждены были искать у английского правительства гарантий своей независимости.

Англичане склонны были предоставить эти гарантии в обмен за право постройки фортов и дорог в Дире, Баджауре и Джандоле. Но осуществление этого требования поставило бы навабов Дира и Баджаура и хана Джандоля в вассальное положение к англо-индийскому правительству, а так как хрен редьки не слаще, то эта

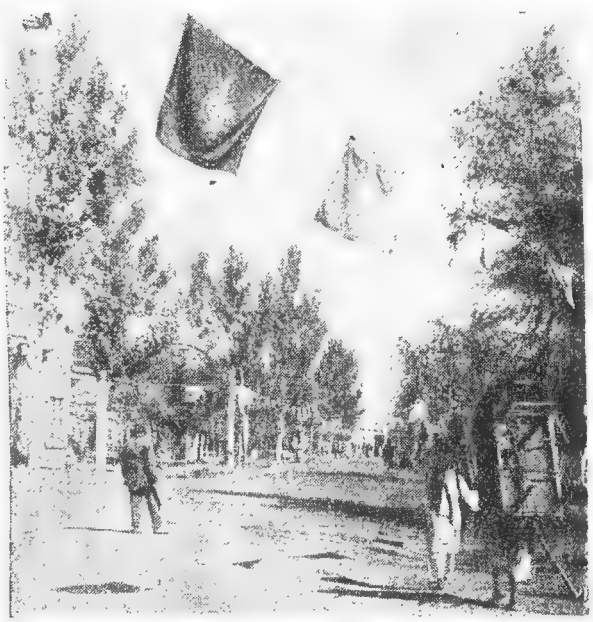
группа княжеств предпочла угрозы Свата и Читрала появлению английских гарнизонов и для отстаивания своей независимости обратилась с предложением союза против Свата и Читрала к момандам и другим племенам, населяющим Баджаур.

Независимые племена, неоднократно оказывавшие поддержку пограничным княжествам в борьбе за независимость, продолжали оказывать сопротивление проникновению англичан в их страну и охотно приняли предложение навабов. Их помощь сковала планы Читрала и Свата и заставила англичан перейти от приемов вооруженного вмешательства к приемам политического проникновения в пограничные княжества (субсидии, подарки оружием и проч.). На самой границе независимых племен не утихала пограничная война. И в период мировой войны среди племен нашли глубокий отклик пан-исламистские идеи, развившиеся на Востоке, и укрепилась мысль о создании великого Афганского государства, которое объединило бы все афганские племена Индии и получило бы выход к морю в низовьях Инда.

Неутихающая партизанская война на границе и угроза, вызванная ростом пан-исламистского движения, заставили англичан после ряда мало успешных военных экспедиций перейти к постройке военной системы фортов, способных прикрыть Пенджаб от нападения отрядов свободного сархата. К северу и западу от Пешавера были вынесены форты Чакдара и Мични, прикрывшие Пешавер от страны момандов. Хайберский проход был защищен от набегов афридиев фортами Джамруд, Али-Масджид и Ландихана. К этим фортам проложено шоссе и железная дорога по дну Хайберского ущелья, давшие возможность не только быстро маневрировать против афридиев, но и сосредоточить нужные силы к форту Ландихана на афганской

границе в случае осложнений с Афганистаном. В Тирахском плато и в стране Орак-Заи линия фортов была вынесена к самой афганской границе. Через Инд в Кушальгаре (южнее Пешавера) был переброшен жел.-дор. мост, и железная дорога была подведена через город Когат к городу Тал. Вынесенный на афганскую границу форт Курам (Парачинар) был соединен с Талом шоссейной дорогой и расширен для вмещения сильного английского гарнизона.

Города Банну и Танг в Вазиристане были обращены в сильные укрепления и заняты большими гарнизонами.



Улица в городе

Эти работы, сделанные с 1895 по 1915 г. в порядке военных экспедиций и мирного проникновения, дали возможность Англии прочно утвердиться в верховьях Инда, прикрыть все его течение с запада и превратили систему Сулеймановых гор от их стыка с Гиндукушем до Белуджистана в крепостную стену Индии, а возможность руководить внешней и внутренней политикой Афганистана дала англо-индийскому генеральному штабу основание рассматривать Афганистан, как щит, поднятый для при-

крытия ворот к крепостной стене Индии — горных проходов Сулеймановых гор.

Достижение этой цели окупило потраченные на нее средства уверенностью в безопасности Индии с суши и в полной обеспеченности дальнейшей эксплоатации жизненно необходимых для существования Англии колоссальных ресурсов индийского сырья.

До конца царствования Хабибуллы-хана Афганистан почти не входил в соприкосновение с другими странами и оставался запретной страной для европейцев. Даже отношения с Персией, вовлеченной в орбиту европейского капитала, свелись к урегулированию пограничных местных инцидентов.

Но мировая война всколыхнула застойную жизнь Афганистана. Германо-турецкое командование, стремившееся ворваться в Индию и поразить Англию в ее Ахиллесову пяту, установило связи с сардарами Афганистана. Германская военная миссия майора Нидермайера через горы и пустыни Персии прорвалась в Афганистан. Правда, энергичная погоня русской казачьей конницы заставила Нидермайера бросить в Персии свой вьючный транспорт с золотом, и отсутствие денег парализовало работу миссии, почему она не имела полного успеха, но все же в Афганистане началось брожение, и только грозное соседство России и Англии да продажность афганских сановников, аккуратно получавших английское содержание, помешали Афганистану активно примкнуть к пан-исламистсткому движению Востока.

К концу царствования Хабибуллы-хана экономическое положение Афганистана значительно эволюционировало от полукочевого хозяйства страны конца XIX века. Значительная часть кочевников осела на землю и к 1920 году земледелием занималось около 70% населения, соста-

вившего основную крестьянскую массу страны. Общая площадь посевных земель Афганистана весьма ограничена. Не больше 2% всей огромной территории страны годны для земледелия, и весь земельно-посевной фонд ее едва достигает полутора миллионов гектаров. Эти полтора миллиона гектаров в сухом климате Афганистана могут быть использованы только при правильной организации поливного хозяйства. Сеть арыков (оросительных канав), отведенная от горных речек, покрывает все речные долины и дает возможность организовать поливку земель. Увеличение земельно-посевного фонда возможно лишь путем расширения оросительной сети, путем создания больших водохранилищ. Дождевая вода и воды от таяния снегов стремительно скатываются по крутым горным склонам в русла рек и уходят через Инд в море. Удержать эту воду и использовать для аграрного хозяйства было бы можно лишь при условии постройки системы больших плотин, которые удержат воду в искусственных прудах и дадут возможность поднять ее на верхние террасы для орошения новых земельных участков, но эти большие работы требуют участия государства, требуют крепкой государственной власти, способной правильно распланировать работу и разумно распределить средства для ее выполнения.

Остатки уничтоженных нашествиями варварских орд древних культур, засыпанная песками оросительная сеть Балхского царства, говорят за то, что в Афганистане существовала высокая земледельческая культура и следовательно возможно ее возрождение.

Увеличение земельно-посевного фонда, эта к концу царствования Хабибуллы-хана созревшая проблема афганского народного хозяйства, не была поставлена и не

могла быть решена правительством Хабибуллы-хана. Ее разрешение еще ждет своего, необходимого Афганистану, энергичного и прогрессивного правительства.

Процесс оседания на землю в условиях незначительного количества удобных для возделывания земель и неизбежная дробность поливных участков привели к тому, что большинство земель из рук феодалов через арендные отношения и через куплю-продажу перешли в руки мелких собственников, которые владеют участками от 5 до 15 джерибов земли (джериб равен $^1/_6$ гектара) и которые сосредоточили у себя до 80% всех земельных угодий. Над этой основной массой мелких хозяйств сохранился относительно небольшой слой помещиков, которые вместе с государством все еще владеют в центральном Афганистане 15-20% годной к обработке земельной площади.

Помещичьи владения в провинциях, населенных афганскими племенами, невелики, если принимать в расчет лишь земли, годные для обработки. Площади земельных владений горными пастбищами и просто негодными горными землями подчас бывают очень велики, и в руках некоторых ханов сосредоточены огромные пространства неудобных земель — остатки их древних владений.

Большинство помещиков сдает землю в аренду на очень тяжелых для арендаторов условиях: обычно, если семена дает помещик, он получает $^5/_6$ урожая, если семена арендатора — помещик получает $^2/_3$ урожая. Иначе обстоит дело в провинциях национальных меньшинств.— В афганском Туркестане, в Каттаган-Бадахшанской провинции и в Гератской области существует крупное помещичье землевладение, образовавшееся в конце XIX века во время войн Абдур-Рахмана с таджикскими, узбекскими и туркменскими феодалами в результате по-

дарков, сделанных Абдур-Рахман-ханом отличившимся офицерам армии за счет военно-грабительского захвата земель узбекских и таджикских „миров" — князей. Эти огромные земельные владения, объединенные в руках завоевателей, в большинстве своем сдаются в аренду под хлопковые и рисовые плантации в долинах, под посевы пшеницы и ячменя в горах. Для укрепления афганского влияния среди национальных меньшинств на эти земли были выселены колонисты из Афганистана, коренные афганцы, которым сданы в аренду лучшие земельные участки. Прочие земли сданы в аренду таджикам и узбекам, и формы арендных отношений здесь близки к крепостным. Значительная часть земель, собранных в руках пришельцев, в свое время возделывалась рабским трудом, так как рабовладение, с которым боролся Абдур-Рахман-хан, не очень преследовалось правительством Хабибуллы-хана.

Крестьянское население к концу царствования Хабибуллы-хана достигло 5 миллионов. Нищее крестьянское хозяйство давало мало товарных излишков и в стране господствовало замкнутое натуральное хозяйство. Внутренний рынок был относительно мало развит и торговый капитал только равертывал свое наступление в афганских кишлаках (селах).

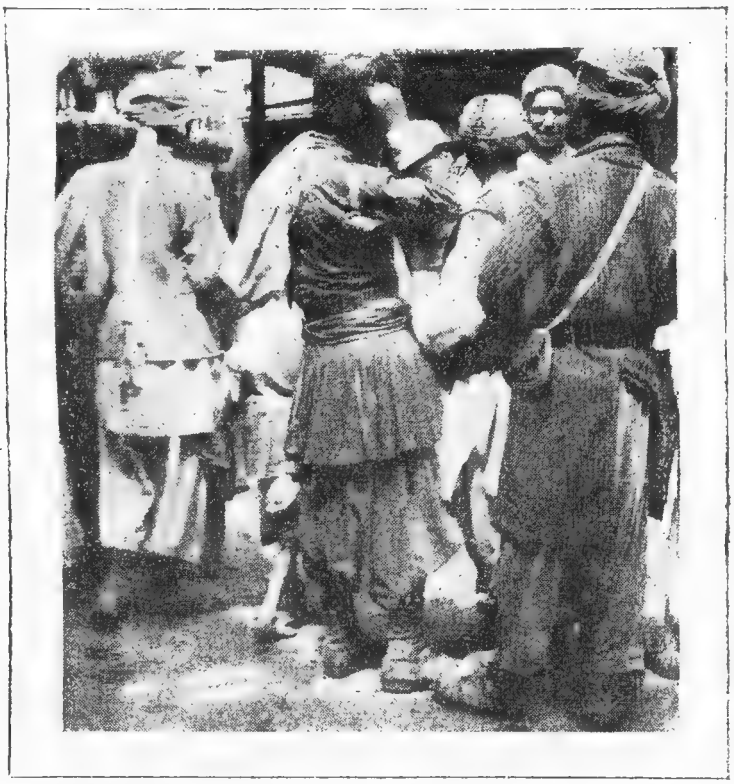
Вторым по значению слоем населения оставались кочевники. Их численность достигала полутора миллионов, их хозяйство давало основные статьи афганского экспорта — каракуль, ковры, шерсть и кожу.

Промышленность в Афганистане была совсем не развита, и в 1919 г. Афганистан имел только один крупный универсальный завод „машин-хане" (дом машины) в Кабуле, развившийся из артиллерийского завода, построенного Абдур-Рахман-ханом и оборудованного

паровыми машинами типа 70 гг. минувшего века (имеется даже одна машина, выпуск которой датирован 1842 г.). Этот завод ремонтировал оружие, производил винтовки, обрабатывал кожу, делал сукно для армии и проч. Кроме него Афганистан имел несколько мелких заводиков минеральных и фруктовых вод и несколько мелких хлопкоочистительных заводов с числом рабочих от 5 до 15 человек. В 1913 году на Джебуль-Сараджских водопадах была выстроена гидро-электростанция, подающая энергию в Кабул и давшая возможность осветить город. Промышленный пролетариат почти отсутствовал в стране и его численность по всему Афганистану не достигала 10.000 рабочих.

Внутренний рынок страны обслуживался средневековой цеховой организацией кустарей и ремесленников. Кустари обслуживали нехитрое хозяйство крестьян и потребности городов. Они делали медную утварь, ковали лемехи для сох и мотыки для обработки горных террас, выделывали кожу и делали грубые афганские остроносые туфли-пейзары, ткали примитивные хлопчато-бумажные и шерстяные ткани и проч. В их руках было сосредоточено почти все производство страны. В Афганистане два города— Кабул и Кандагар — имели около 70.000 жителей и два города — Герат и Мазар-И-Шериф — около 50.000 жителей; прочие города недалеко ушли от больших деревень. Кустари-ремесленники составляли главную массу населения афганских городов и были организованы в цеховые организации, старейшины которых обладали огромным влиянием на жизнь цеха. Они не только регулировали внутреннюю жизнь цеха, его производство и отношения с рынком, не только вели сношения с администрацией, но и контролировали частную жизнь членов цеха, участвовали в решении вопросов брака и проч.

Влияние цеховых организаций на жизнь городов было весьма значительно, но все же цехи недостаточно были сильны, чтобы участвовать в разрешении городских вопросов и противопоставлять свою волю воле феодалов или чиновников. Наоборот, вследствие своей слабости ремесленные организации всегда поддерживают существующую



Афганские цыгане на базаре

в городе власть, если она грабит их в меру, так как перемена власти означает беспорядки, а беспорядки угрожают имуществу ремесленников, их товарам.

Военные дороги, проложенные Абдур-Рахман-ханом, и сильный полицейский аппарат, сделавший относительно безопасным движение по дорогам, оживили торговую

страну, и за время царствования Хабибуллы-хана в Афганистане развилась торговая буржуазия. В торговые предприятия, более доходные чем земледелие, были вложены и капителы афганской знати — сардаров, которая заняла еще при Абдур-Рахман-хане руководящие посты в афганском государстве и прочно закрепила свои места у государственного пирога.

Звание „сардар" принадлежит афганской родовой аристократии. В недавнем прошлом сардары были родоначальниками и вождями племен и горных кланов Афганистана. В процессе оседания на землю кочевников-афганцев сардары, естественно, обратились в феодалов — владетелей обширных земельных участков. Выросшие в этом процессе новые экономические интересы заставили сардаров вести агрессивную земельную политику, которая вероятно и вызвала к жизни первое афганское государство XVIII столетия, возглавленное в свое время Ахмед-шахом Дурани. С середины XVIII века до конца XIX века Афганистан представлял собой типичное феодальное государство, и непрерывные междоусобные войны первой половины XIX века, а также последний распад Афганистана перед восшествием на престол Абдур-Рахман-хана, которому удалось сломить сопротивление феодалов и централизовать государственную власть в руках монархического правительства, — подтверждает это суждение.

Абдур-Рахман-хану удалось подчинить себе сардаров прежде всего военным насилием, а затем уже путем предоставления сардарам-афганцам разного рода льгот. Раздачей им в награду отнятых от феодалов национальных меньшинств земель он привлек их к своему трону и к делам управления государством. Эволюция отношений внутри страны привела к тому, что сардары, выну-

Главная улица в Кабуле

жденные для борьбы с остатками сопротивления национальных меньшинств просить помощи у государственной власти (следует помнить, что правящая афганская национальность составляет менее 50% населения страны) — в процессе осуществления помощи правительства прочно вросли в государственный аппарат и стали главной опорой трона!

Эксплоатация земельных богатств и доходов от административной власти сосредоточила в руках сардаров крупные средства, которые, с выдвижением к Афганистану России и Англии и с вовлечением Афганистана в международную торговлю, нашли выгодное помещение в торговых операциях.

Длительный и неравномерный процесс вовлечения в торговлю капиталов сардарства развертывался быстрее в провинциях, лежащих на торговых путях, и медленнее — в глухих горных районах. Но созданные русской революцией возможности быстрого обогащения на спекуляции валютой и контрабандной торговле с голодным, охваченным пожаром гражданской войны, советским Туркестаном 20-х годов, дали энергичный толчок вовлечению в торговые операции именно сардарских капиталов, как более защищенных от разных случайностей стоящим за спиной владельцев государственным аппаратом. Этот процесс вовлечения приобрел широкий размах. В порядке иллюстративном следует отметить, например, что владелец авто-грузовой кампании Мухамед-хан, министр финансов, имеет капитал в 4.000.000 рупий, бывший министр внутренних дел Гулям-Мухамед-хан имеет капитал в 2.500.000 рупий и т. д.

Торговые интересы, охватившие широкие круги сардарства, приобретали все большую политическую силу и в первую очередь требовали развития связи Афгани-

стана с внешним миром и создания крепкого военно-полицейского аппарата для охраны торговых интересов внутри страны.

Но интересы сардаров встретили сопротивление министров, оплаченных английской субсидией. Националистические стремления сардарства и развившееся на всем Востоке панисламистское движение не находили отклика при дворе Хабибуллы-хана; экономический прогресс страны тормозился политикой изоляции Афганистана, которую осуществила Англия, национальная гордость была ущемлена вассальным подчинением англо-индийскому правительству. Все это вместе создало движение за независимость страны и породило тайный заговор, в результате которого Хабибулла-хан был убит на царской охоте в Кала-И-Гуш, возле Джелал-Абада, во время отдыха в палатке, — выстрелом из револьвера в ухо.

Уезжая на ежегодную охоту в Джелал-Абад, Хабибулла-хан всегда оставлял своим заместителем в Кабуле кого-нибудь из своих сыновей. В год его убийства наместником оставался его третий сын, Аманулла-хан. Тело убитого Хабибуллы-хана из Кала-И-Гуш было перевезено в Джелал-Абад. Находившийся в Джелал-Абаде брат Хабибуллы-хана, сардар Насрулла-хан, объявил себя эмиром. Через несколько дней в Кабул, где уже было получено известие о смерти Хабибуллы-хана, прибыл посланный Насрулла-ханом Шуджа-Эд-Доуле-хан, который привез с собой официальное извещение кабульским вельможам и министерству о смерти эмира Хабибуллы-хана и указ о восшествии на престол Насруллы-хана, который провозглашал себя эмиром.

Фирманом было указано Аманулле-хану привести к присяге население столицы, чиновников правительства и гарнизон. Аманулла-хан собрал совещание высших са-

новников государства и прочел им фирман нового эмира. Прочтя фирман при глубоком молчании присутствующих Аманулла-хан произнес следующую речь:

„Убитый был отцом не только моим, но и вашим. Сейчас не время для печалей и горести. Мы должны смыть кровь нашего отца, вероломно и беспричинно убитого, и лишь после этого имеем право горевать. Теперь же нам должно обсудить вопрос о второй части обращения Насруллы-хана и решить о том, как мы относимся к его восшествию на престол. Я лично не могу считать Насруллу хана совершенно неповинным в убийстве моего отца, почему и не могу быть его сторонником".

После краткого совещания присутствующие согласились с тем, что так как Насрулла-хан захватил престол незаконно, и так как неизвестна его роль в убийстве Хабибуллы-хана, то следует воздержаться от принесения ему присяги.

Тогда, в этой обстановке неопределенности, Аманулла-хан, на стороне которого была его мать, умная и дальновидная женщина, и кабульский гарнизон, произнес свою вторую речь:

„Я никогда не стал бы претендовать на что-либо, не имея в виду процветания и благосостояния нации и не ставя этого выше своих личных интересов. Сверх того я уже сказал и заявляю, что от подозрения до прямого обвинения очень недалеко. Весьма удивительно, что убийца не изловлен, хотя убийство было совершено чуть ли не в присутствии 200 - 300 чел. свиты эмира. Следствия по существу никакого не производилось. Конечно, каждый свободен выражать свое мнение по вопросу о признании того или иного человека падишахом. Но я лично не успокоюсь до тех пор, пока убийца, кто бы он ни был, не будет найден. Кто будет со мной,

тому я буду признателен, но возражать несогласным со мной не стану".

Эта формула требования короны оказалась достаточно понятной: присутствующие провозгласили Аманулу-хана падишахом и поклялись помочь ему отомстить за убийство Хабибуллы-хана. Аманулла-хан сказал, что он доволен проявленными чувствами и признателен за них, но нужно по этому вопросу узнать мнение армии и всего народа. Через два часа кабульский гарнизон был собран к дворцу и толпы народа пришли вслед за солдатами. Аманулла-хан верхом на лошади въехал в ряды солдат и произнес речь, в которой объявил себя падишахом и поклялся отомстить за смерть своего отца. Он обнажил свою саблю и поклялся не вкладывать ее в ножны, пока смерть Хабибуллы-хана не будет отомщена. Гарнизон и народ громкими криками объявили Аманулу-хана падишахом и орудийный салют оповестил об этом город. Когда в Джелал-Абаде стало известно о провозглашении Амануллы-хана падишахом, Насрулла-хан был схвачен кабульским гарнизоном и доставлен в Кабул, где был заключен в крепость, а впоследствии казнен по обвинению в причастности к убийству эмира. Так совершился переворот 1919 года, и Аманулла-хан взошел на престол.

Своего старшего брата Инаятуллу-хана, лояльность которого была сомнительна, а права на престол неоспоримы, он заточил в крепость, где тот провел более года, пока не заявил о своей полной лойяльности, после чего ему было разрешено выйти из заключения, но остаться под негласным надзором.

Извещение о событиях было разослано в провинцию, и через 15 дней весь Афганистан присягнул новому королю.

Аманулла-хан и его реформы

Совершенный 28 февраля 1919 года дворцовый переворот был проведен в типичном для Востока порядке и всецело отвечал интересам передовой части сардарства.

Придя к власти, Аманулла-хан немедленно провозгласил независимость Афганистана. Перед коронацией он объявил народу, что не оденет корону на свою голову пока все население не поклянется выступить на защиту независимости и свободы страны. Во время коронации Аманулла-хан торжественно подтвердил:

„Если богу будет угодно, с сегодняшнего дня Афганистан будет независим как в своем внутреннем управлении, так и во внешних сношениях с иностранными государствами".

Затем тотчас после коронации Аманулла-хан для обеспечения англо-афганской границы выслал в пограничные провинции сильные военные отряды и назначил Салих-Мухамед-хана командующим войсками в Джелал-Абад, Мухамед-Надир-хана — в Хост и Аргун, сердара Абдул-Куддус-хана в Кандагар.

Политическое положение было весьма благоприятно для борьбы за независимость. Охваченная революцией Россия стала другом Афганистана и немедленно признала его суверенитет. Ослабленная войной Англия была скована развернувшимся в Индии революционным движением 1919 года.

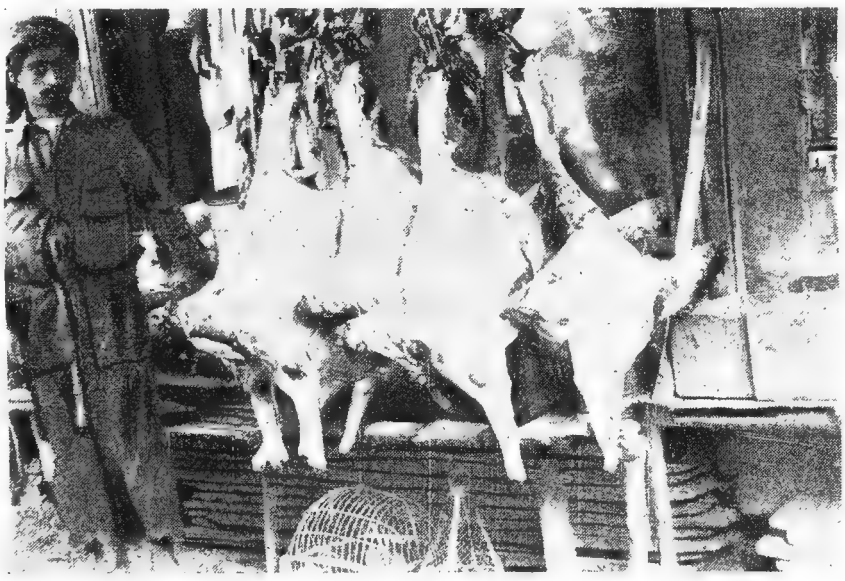
Начиная с ранней весны (март 1919 года) в Индии возникло широкое забастовочное движение, охватившее весь Пенджаб. Английские войска, руководимые генера-

лом Даэр, расстреляли манифестации и митинги забастовщиков в Амритсаре. Эти расстрелы вызвали взрыв негодования в Индии и забастовочное движение переросло в вооруженное восстание, охватившее весь Пенджаб. Крестьянские партизанские отряды портили телеграф и полотно железной дороги; один броне-поезд и два эшелона с солдатами были пущены под откос; английские власти зарегистрировали более 100 случаев порчи ж.-д. полотна. Некоторые провинциальные города были захвачены повстанцами и в городе Ахмед-Абад была сделана попытка организовать повстанческую армию „дандафаудж". Английское командование было вынуждено ввести в действие крупные воинские части. Целый ряд селений был разрушен, города подверглись бомбардировке и только к началу мая восстание было подавлено в городах. Англо-индийское правительство овладело положением и карательные экспедиции были отправлены в Пенджабские села.

В разгаре этих событий Аманулла-хан провозгласил независимость Афганистана и объявил себя падишахом. В течение марта и апреля месяцев англо-индийское правительство, руки которого были связаны восстанием в Пенджабе, обменивалось с правительством Аманулла-хана нотами, в которых пыталось убедить его следовать заветам отца и деда, выполнять старые договора, и попутно объясняло Аманулле-хану, почему собственно Афганистану совершенно нет нужды быть независимым, когда опека осуществляется внимательным к нуждам Афганистана британским правительством. Эта переписка несколько усыпила бдительность правительства Амануллы-хана и дала англичанам время, необходимое для подавления Пенджабского восстания. Только 25 апреля 1919 года начались военные столкновения на границе,

а 3 мая завязалось генеральное сражение между армией Салих-Мухамед-хана и английскими войсками возле форта Дакка у Хайберского прохода.

Генеральное сражение было проиграно афганцами и английская пехота двинулась к Джелал-Абаду, а английские самолеты бомбардировали Кабул. Но предпринятое



Мясная лавка

Мухамед-Надир-ханом движение афганских дивизий из провинции Хост в Вазиристан вызвало восстание вазиров, которые атаковали английские гарнизоны. Заволновалась вся полоса независимых племен: частично восстали и двинулись к Пешаверу и Яттокскому мосту через Инд отряды момандов и внезапно выступили афридии, которые обрушились на английские посты в Хайберском проходе. Не исключено было, что восстание перебросится в Индию и снова подымет не совсем усмиренный

Пенджаб. В этой обстановке англичане получили мирное предложение напуганного налетом авиации на Кабул афганского правительства. Мирное предложение было принято и после переговоров Англия признала независимость Афганистана, но со своей стороны оговорила невмешательство Афганистана в дела независимых пограничных племен. Таким образом англичане получили возможность расправиться с независимыми племенами, выступление которых спасло Афганистан. В течение трех последующих лет Вазиристан был оккупирован и лишен независимости, а горные селения момандов и афридиев были жестоко разгромлены английской авиацией.

Освобожденный от английской опеки Афганистан впервые получает возможность нормального развития.

Интересы торгового капитала и сросшегося с торговым капиталом сардарства требовали сильной централизованной государственной власти, способной упорядочить внутренние дела страны и обезопасить торговые дороги.

Аппарат государственной власти еще во времена Абдур-Рахман-хана был в руках сардаров, но этот аппарат требовал поправок, так как в царствование Хабибуллы-хана, который распустил крепко натянутые вожжи Абдур-Рахман-хана, феодалы и духовенство явочным порядком вернули себе значительную часть влияния. Правительству Аманулла-хана работу по объединению страны во многом приходилось начинать сначала, так как власть правительства на окраинах государства и в областях, населенных национальными меньшинствами, в значительной степени была узурпирована местными феодалами. Для того, чтобы справиться с их произволом, необходима была крепкая армия, без которой невозможны были ни

твердая политика внутри страны, ни самостоятельная внешняя политика.

Созданная Абдур-Рахман-ханом постоянная армия, комплектовавшаяся путем вербовки волонтеров и принудительного отбора солдат из племенных ополчений на пожизненную службу, в царствование Хабиауллы-хана была чрезвычайно ослаблена. Отборный командный и солдатский состав, который был привлечен в армию перспективой обогащения (награды землями побежденных феодалов) осел на захваченные в порядке военного грабежа новые земли, занялся колонизацией афганского Туркестана и ушел из строя. Грабительское хозяйничанье министров Хабибуллы-хана привело к постепенной распродаже созданных Абдур-Рахман-ханом армейских транспортов. Солдаты Хабибуллы-хана занимались в мирное время ремеслами и были больше похожи на стрелецкое войско времен „тишайшего" Алексея Михайловича, чем на настоящую армию. Слабость армии в полной мере выявилась в сражении у Хайберского прохода в мае 1919 года.

Принцип пожизненной службы, который при бедности государства и малой обеспеченности войск, стимулировал занятие ремеслами и чуть ли не отхожие промысла в армии, — явно устарел.

Аманулла-хан приступил к реорганизации армии, начав ее с реорганизации системы комплектования. Он провел общеобязательную воинскую повинность, правда, допускающую личный откуп от военной службы—богатый человек имел возможность выставить вместо себя наемника. Пожизненная служба была заменена трехгодичной, а затем двухлетней, что дало возможность создать обученные кадры запасных.

Обучение армии новым приемам тактики было поручено иностранцам. На службу в армию были приглашены

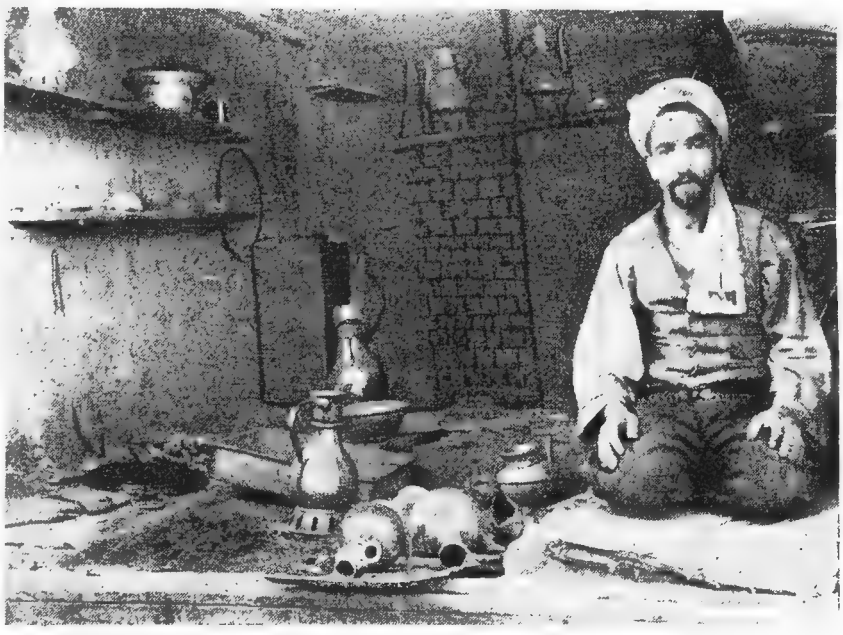
турецкие офицеры и несколько немецких офицеров, с майором Кристен во главе. На афганский язык были переведены турецкие уставы. Находившиеся в Кабуле военные школы были реорганизованы и во главе их поставлены иностранные инструктора: во главе пехотной школы бывший начальник штаба Энвер-паши (в период его авантюры в советском Туркестане) — весьма энергичный офицер Гассан - Эффенди, во главе артиллерийской и кавалерийской школ группа турецких офицеров, присланных Кемаль-пашой. Военные школы дали возможность освежить офицерские кадры армии, хотя этот процесс проходил медленно, так как встретил противодействие части сардаров, привыкших к наследственной службе в армии и доходам от командования воинскими частями.

Самый состав армии был сокращен до 50.000 солдат всех родов оружия и армия была перевооружена закупленными за границей магазинными винтовками и снабжена современной артиллерией. В стратегически важных пунктах страны были восстановлены организованные Абдур-Рахман-ханом и расхищенные при Хабибулле-хане склады армейского продовольствия, одновременно были упорядочены общие вопросы довольствия войск.

Но реорганизованная армия была плохо подготовлена для внешней войны и мало пригодна для решения внутренних междоусобиц, так как: а) система откупа от военной службы дала в ряды армии известный процент наемных солдат, набранных из худших элементов населения, б) солдаты, приходившие в армию на короткий срок службы, не теряли связи со своими племенами и не годились для борьбы против племен в случае междоусобицы, в) гвардия была малочисленна и не могла стать ядром армии, по которому равнялись бы и учились армей-

ские полки. Но армейские формирования были дополнены сильной полицией и жандармерией.

Полицейско-жандармский аппарат (кутвали) был централизован и подчинен руководству из столицы. Вся полицейская организация сведена в 5 полков и 4 отдельных батальона по числу пяти главных провинций и четырех



Уличный лудильщик посуды

губерний, на которые был разделен Афганистан. Эти полки и батальоны через провинциальные управления кутвали подчинялись министерству юстиции в Кабуле, а на местах они были подчинены губернаторам. Полки кутвали получили правильную военную организацию, однообразную форму (красные штаны, куртка, плащ и шапка) и вооружены современными винтовками.

Многочисленная полиция оказалась в состоянии сократить бандитизм в стране, хотя в процессе борьбы против бандитов полиция сама приобрела разбойную репутацию.

Получив опору в армии и полиции, правительство Аманулы-хана приступило к административным реформам. Чиновный аппарат, разделенный на пять провинций и четыре губернии страны, был сокращен и подвергнут чистке. Ряд чиновных постов в провинции был поручен студентам экстренных выпусков реорганизованной школы чиновников „хабибие", в которую были приглашены иностранные преподаватели (французы, немцы и турки). Эта школа получила целевое назначение — подготовить свежие кадры административного аппарата. Реформа административного аппарата давно назрела. Интересы торгового сословия требовали, чтобы таможенные рогатки внутри страны были сняты и фирман падишаха о разделении страны на пять провинций и четыре губернии одновременно уничтожал таможенные рогатки. Произвол феодалов дальних районов, которые нашли общий с чиновниками язык для сговора о насилиях, вымогательстве и грабежах, был сокращен вмешательством государственного контроля и интересы торговли были защищены. Молодежь посланная на административные посты освежила аппарат и реформа улучшила внутреннее состояние государства. Но проведение реформы встретило энергичную оппозицию: против нее боролся весь аппарат старого чиновничества, который сросся с феодальным строем и привык к своему привилегированному положению. Чистка чиновного аппарата внесла относительные улучшения, но не следует преувеличивать значение реформы: количество злоупотреблений было уменьшено, но произвол и лихоимство чиновников не были искоренены до конца и попрежнему разоряли страну. Методы администрирования

афганского чиновничества, унаследованные от почти безграничного административного произвола чиновников Хабибуллы-хана, несмотря на ряд дополнительных реформ, несмотря на суровое преследование должностных преступлений законом, в общем мало изменились в царствование Аманулы-хана. Одним указом эмира нельзя было переделать взяточников и плутократов, какими в большинстве были старые афганские чиновники, до сих пор составляющие большинство в государственном аппарате. Число молодых чиновников из школ было недостаточно, чтобы обновить аппарат, да и молодые, после нескольких лет работы, поддались соблазну легкой наживы, легкого кормления от „безгрешных“ доходов.

Чиновный и полицейский аппарат, очистив дороги от бандитов и отказавшись от вымогательства у сильных торговых кампаний, сделали объектом своей системы обогащения нищее афганское крестьянство и ремесленные организации городов. Сама система лихоимства и взяточничества не изменилась, она только была перенесена на другие слои населения.

Даже верноподданная афганская пресса, отнюдь не склонная к критицизму, вынуждена была возвысить голос против насилий, чинимых полицией в столице. Сфициозный орган „Анис“ от 10 апреля 1928 г. поместил большую статью, в которой разоблачил грабежи полиции и насилия над ремесленниками. Статья эта написана в форме „обращения к богу с просьбой о защите от одетых в красное воров, игроков и разбойников“. Автор статьи просит:

„О, аллах, умоляю тебя! Представь меня в глазах воров и одетых в красное разбойников сильным и влиятельным человеком, который занимает высокое положение в государстве, имеет много слуг и оружия. Может быть

тогда они побоятся моего высокого имени и титула и оставят меня в покое. О, аллах, помилуй нас бедных и защити от этих налетчиков и грабителей.

О, аллах, избавь меня от того, что случилось с плотником Искандером, жителем Ниази-Бини-Гиссар, у которого ограблено все имущество и уничтожена вся семья. До сих пор я не решил загадки, почему каторжники одеты в красное" (красную форму носит полиция Афганистана).

Эта статья, столь резко обличающая столичную полицию, была написана, конечно, не без ведома двора. Статья лишний раз подтверждает, что полиция не трогает знатных людей Афганистана, имеющих вооруженную прислугу, но плотникам из кабульских окрестностей и крестьянам горных долин приходится возмещать полиции вынужденный отказ от доходов с купечества и выносить всю тяжесть полицейского произвола.

Должно отметить, полиция не простила газете этих разоблачений и редакция газеты была привлечена к судебной ответственности за клевету, а газета была опечатана кабульским губернатором, который оказался в состоянии защитить интересы своего полицейского аппарата.

Полиция, которая убивает для грабежа, немногим отличается от разбойников, но так как она одновременно очищает дороги от бандитов (может быть здесь действует закон конкуренции), то этот грех ей не ставят в счет, сардары сохраняют свои возможности наживы. Ведь и приказные дьяки времен Алексея Михайловича грабили не хуже, но торговые пути они содержали в исправности и хозяин тогдашней Руси, торговый капитал, был ими доволен, пока его запросы не расширились и не возникла надобность в дубинке Петра.

Организовав административный аппарат полиции и армии применительно к потребностям правящей группы, Аманулла-хан одновременно провел таможенную реформу, упразднив многочисленные внутренние таможни. Обложение товаров пошлиной установлено только один раз, многообразие таможенных сборов заменено единым тамженным тарифом.

Выделка ниток

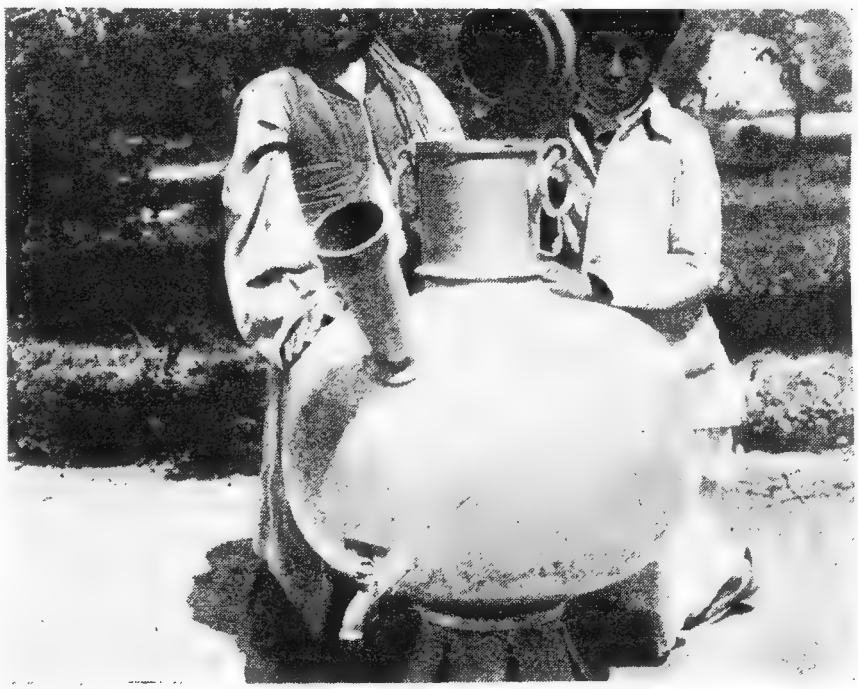
Реформаторская деятельность по реорганизации государственного аппарата естественно требовала развития системы школ в стране: школы должны были дать прежде всего грамотную администрацию, грамотный офицерский состав и некоторое образование дать людям торгового сословия. Вместе с тем, повторяя уроки европейского просвещенного абсолютизма, молодой афганский абсо-

лютизм видел в просвещении страны путь к спасению. С первых дней работы правительство Аманулы-хана приступило к реорганизации школ. Существовавшие в Кабуле школы „амание“ и „хабибие“ были расширены. В них были приглашены иностранные учителя — французы, немцы и турки. Вместе с тем был разработан план развертывания школьной сети и школьное обучение, которое ранее целиком было в руках духовенства, было передано в ведение министерства просвещения. Согласно с планом министерства просвещения правительство решило: а) открыть во всех губернских городах „ибтидаи“ — пятикласные начальные школы, б) в Кабуле, кроме существовавшей школы „амание“ и „хабибие“, открыть „руждия“ (род учительской семинарии), в) иметь в виду необходимость открытия в Кабуле „а-ли-я“ (университета). Этот план был начат осуществлением и для преподавания были приглашены новые группы учителей из Франции и Германии. В дополнение к этому плану, в виду отсутствия в стране высших училищ, решено было послать учеников за границу, и более 200 студентов были посланы в Англию, Германию, Францию, Италию, а впоследствии в СССР.

С начальным образованием дело обстояло менее успешно. Хотя согласно § 68 „Конституции Высокого Афганистана“ — „все подданные Афганистана должны получить первоначальное образование“, но начальных школ в стране мало, равно как мало и учительских кадров и даже в городских центрах провинций школьное образование охватило небольшой процент детей. Так, в Сарыпуле в 14 училищах, организованных по нормальной для Афганистана системе „на дому“ (т. е. казенного здания для школ нет, ученики собираются на дом к учителю), обучаются всего 371 ученик. В бо-

лее глухих углах даже этот процент сокращается. Труд учителя оплачивается в провинции родителями учащихся — обычно один кран в месяц за ученика. Кран равен 18 коп.

Просвещение в Афганистане в настоящее время охва-



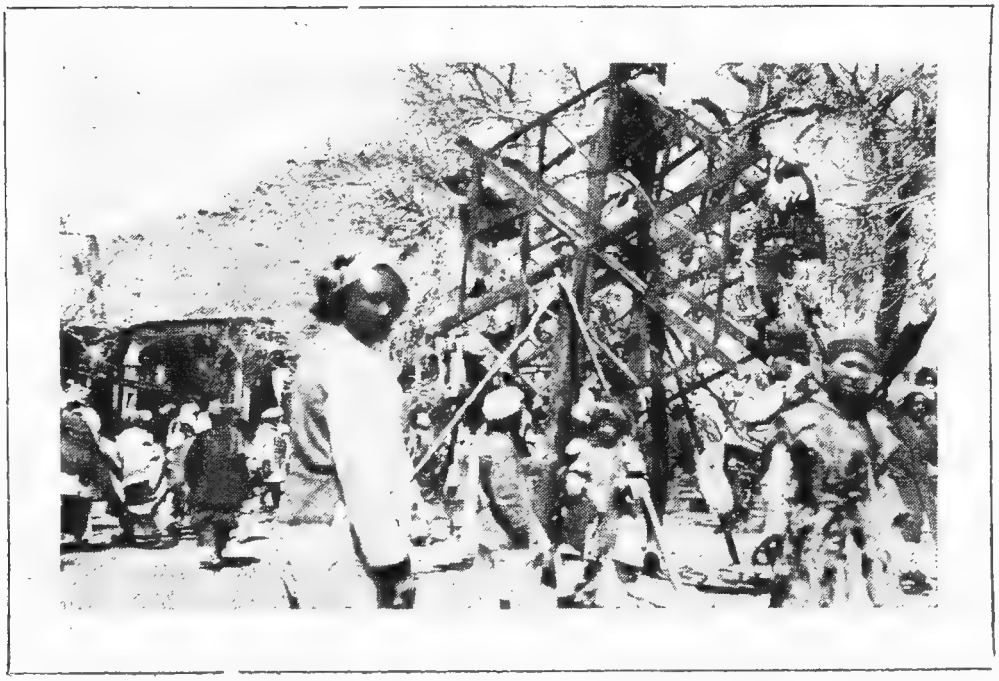
Афганский самовар

тывает только верхние слои населения и сеть начальных училищ еще не спустилась в афганскую деревню.

Просвещение коснулось также и афганских женщин. Частная школа, устроенная королевой матерью для 15 девочек высшего общества, была развернута на 150 учениц. Такого же типа школы — разумеется, с женщинами-преподавательницами — были открыты и в губернских городах.

Просветительные реформы вообще попытались улучшить положение афганской женщины. В древности, до принятия Афганистаном мусульманства, женщины Афганистана не носили чадры и не знали гарема: королева Балха (его развалины в 10 км от Мазар-И-Шерифа) Роксана, жена Александра Македонского, красивейшая женщина своей эпохи, ходила с открытым лицом. Но магометанский шариат (именно „шариат" — обычай, а не Коран, так как Коран о чадре не говорит ни слова) закрыл женщину чадрой, падающей до пят, и запер ее в гарем. Женщина стала рабыней мужчины, зачастую товаром и система наложниц в Афганистане держалась на остатках рабства. Аманулла-хан категорически запретил рабство и энергично выступил против многоженства. Рабыни, бывшие наложницами, по указу эмира получили все публичные и брачно-имущественные права, отведенные законодательством для всякой полноправной афганской подданной. Основные реформы в женском вопросе свелись к а) воспрещению жениться на несовершеннолетних (совершеннолетие женщин в Афганистане считается с 9 лет), б) к стеснению прогрессивно-налоговым путем набора в гарем второй, третьей, четвертой и т. д. жены. Однако, эти реформы в 1924 г. решением законодательного собрания были отменены как несогласные с шариатом: налоговое стеснение набора женщин в гарем было отменено, а женитьба на малолетних была снова разрешена в следующем фирмане: „§ 3. Женитьба на малолетних прежде достижения ими совершеннолетия разрешается. Но, верные подданные мои! Женитьба на малолетних служит источником тяжб, препирательств, вражды, ссоры и убийства среди вас. Я, духовный отец ваш, зная все это, запретил раньше такую женитьбу, имея целью спокойствие и мир среди вас, верный мой

народ". Женское законодательство в последнем счете свелось к установлению: а) регламентации брачного имущественного вопроса, б) к отмене наследования жены в числе прочего имущества наследниками умершего, в) категорически запрещен брак без согласия обеих сторон, г) разрешено разведенным и вдовам вторично вступать в брак. В общем итоге женщина перестала



Афганская карусель

быть товаром, предметом купли-продажи (хотя и несовсем, так как брак малолетних исключает возможность разумного согласия обеих сторон и следовательно является одним из видов купли-продажи). За женщинами были признаны некоторые человеческие и имущественные права. Однако, с женским образованием законодательное собрание 1924 года покончило почти совсем: все женские школы в стране были закрыты и осталась

только Кабульская женская школа, состоящая под покровительством королевы-матери.

Еще более неудовлетворительно, чем с народным просвещением, в Афганистане обстоит дело с врачебной помощью населению.

Правительственная врачебная комиссия, составленная в 1927 году для учета врачей и поверки их знаний, при большой снисходительности членов комиссии признала возможным выдать удостоверения на право врачебной практики только 53 врачам во всей стране (более чем на $7\frac{1}{2}$ миллионов населения). Постановкой врачебного дела в Афганистане ведает департамент здравоохранения в Кабуле. Этот департамент, как видно из работы по учету врачей, пытается наладить дело здравоохранения в стране, но отсутствие средств для приглашения иностранцев-врачей и отсутствие собственных медицинских кадров до сих пор оставляет лекарские функции в руках темных знахарей.

Общее направление всех реформ Амануллы-хана вело Афганистан в семью культурных народов мира, но не решало основного вопроса народного хозяйства страны, вопроса об увеличении площади поливных земель Афганистана — и упиралось в вопрос о государственном бюджете и о налогоплательщиках.

Твердый государственный бюджет Афганистана впервые был составлен в 1924 году и достиг 45 или 50 миллионов рупий (афганская рупия равна 33 золотым копейкам. (Роспись бюджета опубликована не была, бюджет сохранялся как государственная тайна, но наши сведения не расходятся с английскими сведениями, сообщенными в „Стэйтэсмен“ за 1925 год и близкими к этой сумме).

Рост торгового капитала в стране требовал строительства дорог, закупки оружия за границей, требовал валюты. Проникновение торгового капитала в крестьянское хозяйство разрушало формы натурального хозяйства, господствовавшего в стране. Все это заставило правительство Аманулы-хана перейти к денежному налогу.

Выросшие расходы государства требовали не только денежного налога, но и повышения налогов. К 1924 году общие налоги в стране были повышены в два раза (налог на джериб поливной земли с 5 рупий до 10 рупий, налог на лошадь с 30 пуль до 2 рупий, налог на осла с 12 пуль до 1 рупии). Главным плательщиком налогов был ранее и остался крестьянин: вся тяжесть новых налогов легла на его плечи. Тяжесть эта была велика, так как Афганистану пришлось строить свой бюджет самостоятельно, без английской субсидии, которая составляла около 10% старого бюджета. Правда, к этому времени богатства страны выросли: в частности выход каракуля с 200.000 шкурок дошел до 1.000.000 шкурок, и было чем перекрыть английскую субсидию.

С 1924 года в Афганистане начинается непрерывный рост налогов. В 1925 году крестьянское хозяйство из бюджета в 48 миллионов рупий уплатило 22 миллиона, после чего рост налогов продолжался и в бюджете 1928 года, исчисленном в 140 миллионов рупий, налог от крестьян составляет около 50%.

В бюджете 1928 года один джериб поливной земли 1-й категории обложен уже от 16 до 20 рупий (в зависимости от качества), что в переводе на наш счет означает за гектар земли от 28 до 35 золотых рублей.

Этот налоговой пресс, выжимавший из крестьян последние соки, дополнен был разорительной необходимостью уплачивать налог деньгами, а не натурой. Нату-

ральное хозяйство афганской деревни быстро разрушалось под давлением налогового пресса, а процесс приспособления натурального крестьянского хозяйства к денежным требованиям правительства вынудил крестьянина значительную часть урожая продавать на рынке. Условия афганского бездорожья и малой мощи крестьянского хозяйства вызвали к жизни посредника между рынком и крестьянином — торговца скупщика. Скупщик диктует цены афганской деревне, кредитует под будущий урожай и закабаляет крестьянина; этот новый паразит на тощем теле афганского крестьянина становится не менее опасным, чем чиновник правительства. Скупщик добирает в деревне то, что не выбрано сборщиком податей и вымогательствами чиновников. В ряду с чиновниками он стал одной из самых одиозных фигур в афганской деревне.

В результате действия всей системы, сложившейся из податного пресса, разорительных вымогательств администрации и паразитарной деятельности скупщика-торговца, афганскому крестьянину от урожая оставался только минимум, не всегда достаточный для поддержания жизни. Тяжесть лежащих на крестьянине повинностей дополнялась принудительно осуществляемой дорожно-строительной повинностью крестьян. Дороги, необходимые для правильного функционирования аппарата власти и для нужд торгового капитала, крестьяне строили и строят бесплатно, почти без затрат от казны (если не считать затрат на администрацию работ и часть материалов). Эта повинность оказалась очень тяжелой, так как за время царствования Амануллы-хана Афганистан превратил свои старые военные дороги в благоустроенные автомобильные пути, вполне допускающие интенсивное движение, и крупные торговые кампании получили возможность свой грузооборот переложить на автотранс-

порт. Из наиболее существенных работ следует отметить дорогу из Кабула в Бамиян (более 250 километров), проложенную к тому же в горном районе, потребовавшем подрывных работ; дорогу Кабул—Гардез и далее к реке Точи в Вазиристан (Индия. Дорога не закончена); улучшена дорога Кабул—Пешавер и Кабул—Кандагар; сделана доступной для автомобильного движения дорога Кандагар—

Продавцы угля

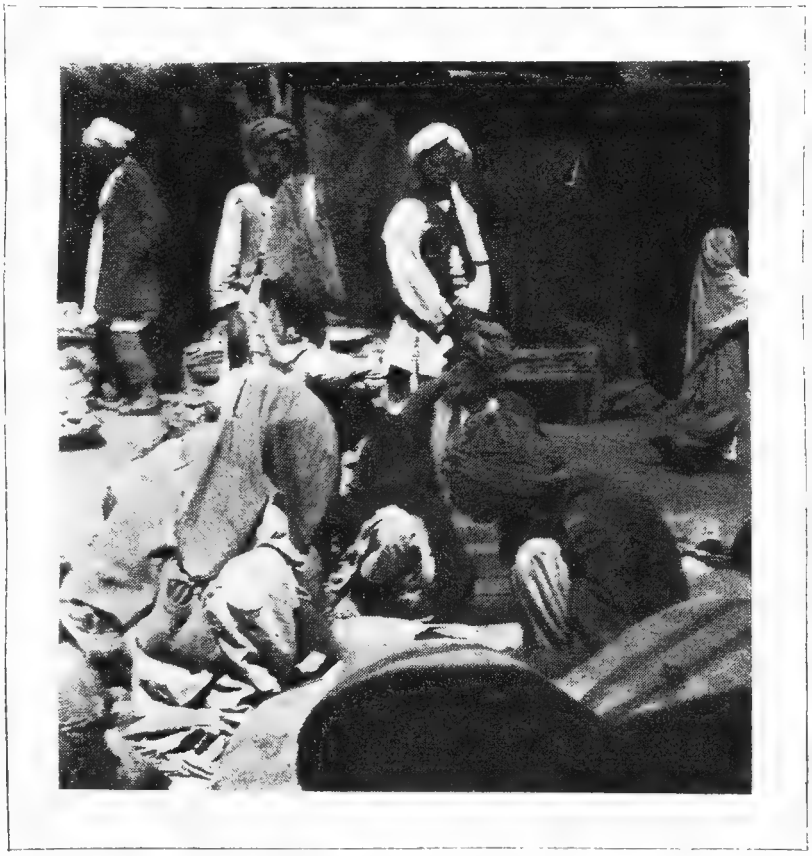
Герат — крепость Кушка и построено несколько автомобильных дорог в афганском Туркестане. Один этот перечень работ указывает, что дорожно-строительная повинность легла на крестьян большой тяжестью, которая вместе с прежними тяготами содействует нищете крестьянского хозяйства.

Эта тяжесть налогов и повинностей в глазах крестьян не была оправдана, так как правительство Аманулла-хана не озаботилось организацией крупных государ-

ственных работ по орошению новых участков земли, почти не увеличило площади поливных земель за все 10 лет правления Аманyллы-хана, а в работы по орошению вложило немногим более 10 милл. рупий (из крупных работ достойны быть отмеченными плотина в Газни и плотина возле Кабула, благодаря которым созданы водохранилища, способные оросить несколько тысяч гектаров новых земель). Между тем сравнительно небольшие затраты могли бы чрезвычайно улучшить аграрное хозяйство страны, которое все же остается основой народного хозяйства. Так, если бы правительство вложило 20-30 миллионов рупий в оросительные работы в афганском Туркестане и в Гератской провинции, если бы оно попыталось реставрировать древнюю оросительную сеть Балха и других культурных очагов древнего мира, оно могло бы утроить площадь земель, занятых хлопковыми плантациями, и на вывозе хлопка в СССР или в Индию многое выиграть в ныне пассивном торговом балансе страны. Однако, такие работы (предложенные одним из советников падишаха) не сделаны и даже не намечены в перспективном плане министерств.

Индустрия страны также мало развернута, и индустриальное строительство пока неспособно оправдать налогового пресса страны. Старый артиллерийский завод, построенный Абдур-Рахман-ханом, до сих пор остается главным индустриальным предприятием и единственным представителем тяжелой индустрии в стране. Он развернут в универсальное промышленное предприятие: а) ремонтирует артиллерию армии, производит винтовки и холодное оружие, б) делает сукно для армии, в) производит хлопчато-бумажные ткани, г) обрабатывает кожу, д) имеет деревообделочный цех, который в частности выпускает мебель.

При всей этой универсальности завод до сего времени не переоборудован и работает старыми машинами 70 гг. Понятие о степени изношенности его машин может дать следующая справка: в текстильном отделении у одной шестерни кардной машины осталось 25 процен-



Базар в городе

тов зубьев, следовательно машина, сделав $^1/_4$ оборота, останавливается. К машине приставлен специальный рабочий, вооруженный железной палкой, этой штатной палкой он подталкивает шестерню и заставляет ее делать остальные $^3/_4$ оборота.

Завод вконец изношен, но за 10 лет правления Аманулла-хан не нашел средств его переоборудовать.

Из прочих индустриальных предприятий построены: а) кожевенный завод, спичечная фабрика и цементный завод возле Кабула, б) гидро-электростанции в Джелал-Абаде и небольшая электростанция в Герате (Кабул получает энергию от гидро-станции, построенной на водопадах в Джебуль-Сарадже Хабибуллой-ханом), в) построен хлопкоочистительный и строится текстильный заводы в Герате — для последнего пока построено только здание, — г) завод искусственного льда в Кандагаре.

Этим списком исчерпываются все имеющиеся в Афганистане предприятия, за исключением нескольких маленьких хлопкоочистительных заводиков в афганском Туркестане. Афганистан не имеет пока еще ни одного серьезного индустриального предприятия и даже не начал разработки своих недр (железная руда и уголь в Бамиане, нефть возле Герата). Из горных разработок следует отметить лишь добычу лапис-лазури и рубинов (монополия падишаха) в Катаган-Бадахшане, да разработку серебряных копей в долине Гурбенда, между Бамианом и Чарикаром.

Индустрия страны вся находится в руках государства. Частных предприятий почти нет, так как вложение частных капиталов в индустрию менее рентабельно, чем вложение в рваческую хищную торговлю с пока еще не развитой конкуренцией. Из частных индустриальных предприятий можно отметить только несколько предприятий по производству фруктовых вод и несколько мелких хлопкоочистительных заводиков, примитивно оборудованных и обслуживаемых 15-25 рабочими каждый. Общая цифра вложений капиталов правительства в оросительные работы и в индустрию в сумме не превышает

затрат на постройку нового города Дар-Уль-Амана, будущей резинденции короля. Дар-Уль-Аман—город-сад, строится в 8 километрах от Кабула. С Кабулом он связан железной дорогой—первой железной дорогой Афганистана — узкоколейкой, длиною в 7 км, по которой бегают трамвайного типа вагончики (разделенные однако на классы) и пыхтят игрушечные паровозики. Параллельно с узкоколейкой проложено прекрасное шоссе от Кабула

Танцы горцев

до королевского дворца в Дар-Уль-Амане, а рядом с шоссе устроена глинобитная дорожка для ишаков, которые до сих пор вместе с верблюдами являются основой афганского транспорта.

В Дар-Уль-Амане уже построен королевский дворец, дворцы министерств и дома для знати и купечества. Железо, цемент, водопроводные трубы и прочее для постройки Дар-Уль-Амана были доставлены из Индии. Постройкой руководят немецкие инженеры, которые неплохо заработали на этих воздвигнутых в сердце Азии

тяжелых домах — неуклюжем детище провинциального немецкого вкуса. Дар-Уль-Аман уже обошелся в 40 миллионов рупий, а всего на него предположено истратить до 300 милл. рупий. На Дар-Уль-Аман уже истрачено больше, чем на промышленность страны и работы по увеличению площади поливных земель.

Реформы Аманулы-хана и его налоговая система, вместе с этими затратами на новые дворцы, убеждают нас, что в груди Афганской монархии живут две души: одна просвещенно-буржуазная, которая способствует развитию торговли и промышленности и строит школы; другая феодальная, которая стремится как можно больше выжать из народа и добытые богатства потребить в интересах правящих слоев общества.

Расходы на постройку Дар-Уль-Амана и покупку машинного оборудования для строящихся заводов привели афганскую внешнюю торговлю к пассивному балансу.

За 1925-26 гг. пассив по торговому балансу исчислен в 21 миллион рупий, несмотря на то, что вывоз основной статьи экспорта — каракулевых шкурок и каракульчи — с 1920 года вырос (в 1920 г. в Афганистан перекочевали из СССР бежавшие от революции туркмены, числом более полутораста тысяч семей, которые угнали с собой более 3 миллионов голов скота. Благодаря этому вывоз каракульчи в последние годы превысил миллион шкурок и в 1928 году достиг 1.200.000 шкурок в год).

Пассивный торговый баланс последних лет стал действовать на курс афганской серебряной валюты, которая упала в цене. В марте 1926 г. за один фунт стерлингов давали 23 рупии кабули, в марте 1927 года за 1 ф. ст. давали 28 рупий, в марте 1928 года за 1 ф. ст.— 31 рупию кабули.

Пытаясь улучшить финансы, правительство прибегло к своеобразной инфляции — оно выпустило новую серебряную валюту, в которой чистого серебра было 47% (в старой афганской рупии кабули чистого серебра 90%), и объявило курс новой рупии афгани на 10% более высоким, чем курс рупии кабули. В результате Афганистан получил скверную денежную валюту (новые рупии афгани из-за большой примеси лигатуры шелушатся и очень грязны), а падение курса продолжалось своим чередом.

На состояние афганских финансов плохо действует отсутствие в Афганистане банка, который мог бы регулировать финансовые операции. Система обращения денег в стране регулируется денежными менялами. Менялы-саррафы — в большинстве индусы — ведут валютные операции с иностранной валютой, финансируют предприятия, принимают вклады и занимаются ростовщичеством. В Кабуле нам известны 10 финансовых воротил-саррафов, из коих два имеют капитал по $1^1/_2$ милл. рупий, а прочие от $^1/_2$ милл. до 1 милл. рупий каждый. Свои личные вклады саррафы держат в англо-индийских банках, и эти люди, регулирующие финансовую жизнь страны, по существу дела являются щупальцами английского финансового капитала, который через них присосался к тощему телу афганского крестьянства, — в последнем счете ответчика за все финансовые неурядицы страны. Тяжелое финансовое положение Афганистана, отсутствие разумного и делового планирования в народном хозяйстве страны, все растущая тяжесть налогов с произволом чиновников, разоряющих крестьянство, — все это не могло не вызвать противодействия правительству.

Это, идущее из глубины страны, от нищего крестьянства и ограбленных скотоводов, противодействие неиз-

менно переплетается с элементами национальной борьбы, неизбежной в стране угнетенных национальных меньшинств, и оформляется реакционным афганским духовенством, а в областях национальных меньшинств возглавляется оттесненной от трона феодальной знатью узбекских, таджикских и хезарейских княжеских родов.

Реформы Аманулы-хана, который распродал крестьянам отнятые еще при Абдур-Рахмане церковные земли духовенства, лишили духовенство не только экономической базы, но и значительной доли влияния в стране. Реформа суда, введение турецкого уголовного кодекса, замена духовных судей светскими отняли у духовенства влияние на административные дела Афганистана.

Реформа школьного образования и открытие женских школ были ударом по шариату (до открытия школ народное просвещение Афганистана находилось в руках духовенства) и не могли не озлобить духовенства.

Но городское духовенство, взятое на государственное жалование и тем поставленное в зависимость от правительства, не было активно в борьбе с реформами.

Активная роль в борьбе принадлежит деревенскому духовенству, которое в глухих горных углах сумело стать для крестьян не только слугой аллаха, но и посредником в делах крестьян и администрации, советчиком в вопросах внутренней жизни деревни и т. д. Это деревенское духовенство было лишено государственного содержания и экономическая необходимость содействовала сращиванию с крестьянством, так как содержание деревенского духовенства было возложено на крестьян.

Поэтому деревенское духовенство стало главным оформителем настроений фанатичной, темной, полудикой массы афганского крестьянства и своими общеполитиче-

скими лозунгами обычно перекрывало лозунги крестьянского движения.

В провинциях национальных меньшинств духовенство сблизилось с местными ханами и феодалами. Утерявшие свое влияние после войн Абдур-Рахман-хана, устраненные от государственных дел, эти бывшие владетели тем не менее сохранили значительную часть своего авторитета в провинциях, где недавно они были полновластными хозяевами. Крестьянству национальных меньшинств и кочевым родам туркмен казалось, что свой барин был бы лучше, чем пришлый афганский колонизатор. Феодалы нацменьшинств и горные муллы стали ядром оппозиции реформ Аманулла-хана и наиболее опасными оформителями и вожаками восстаний.

Ко всякому движению в Афганистане неизменно пристраивались и старались его использовать для борьбы против Аманулла-хана английские агенты, и английское золото звенело в карманах повстанцев, если они шли против правительства Аманулла-хана. Независимый Афганистан перестал быть щитом Индии и стал слишком опасным соседом, чтобы английское правительство могло не вмешиваться во внутренние дела страны. Основной целью вмешательства английской агентуры было ослабление Афганистана и возвращение его в прежнее вассальное положение к англо-индийскому правительству.

Первые годы царствования Аманулла-хана прошли относительно спокойно. В 1920 году в некоторых гарнизонах (Джалал-Абад, Дейдади, Меймене) вспыхнули военные бунты в связи с выплатой войскам жалования обесцененными бумажными деньгами. Бунты эти были ликвидированы крутыми мерами правительства. Бандитизм в стране и вооруженные налеты кочевников на земледельческие районы первые годы царствования Аманулла-

хана не превышали обычной афганской нормы и даже сократились вследствие энергичных действий кутвали. Обычные в Афганистане межплеменные усобицы не имели серьезной политической подкладки. Но в конце 1923 года вспыхнувшая в Хезареджате междоусобица между афганскими кочевыми племенами сулейман-хейль и земледельцами хезаре, благодаря попустительству властей, приняла антиправительственное направление и была прекращена лишь посылкой в Хезараджат сильных воинских частей.

В том же 1923 году вспыхнуло восстание в Хосте (провинция, граничащая с индийским Вазиристаном), которое в 1924 году охватило все племена Хоста и частично племена Кандагарской области.

Племена Хоста в большинстве кочевники — мангалы, джадран и др. — наиболее воинственные из пограничных с Индией афганских племен. При прежних эмирах Афганистана они поставляли цвет иррегулярных ополчений и пользовались значительными привилегиями и независимостью. Центральная власть обычно предпочитала не вмешиваться в их внутренние дела.

Правительство Аманулы-хана в соответствии со всем курсом своей политики укрепления центральной власти не могло мириться с прежними льготами этих племен и с независимостью хостинских феодалов. Правительство отказалось подтвердить привилегии племен и потребовало уплаты налогов. Восставшие племена в свою очередь выдвинули требования: 1) уменьшить налоги, 2) восстановить свободную торговлю с Индией, 3) отменить новое законодательство, которое противоречит шариату, и закрыть в Кабуле женскую школу, 4) назначить новое правительство и удалить из Кабулы европейцев, которые обманывают эмира и грабят народ.

Первые два требования восставших отразили глубокое всеафганское недовольство ростом налогов и частное недовольство кочевых торговцев „повинда“, которым запрещена была свободная торговля с Индией, стеснением прежних вольностей. Последние два требования были подсказаны муллами, которые в этом случае, как и всегда в Афганистане, оформили восстание и дополнили требования восставших лозунгами политического характера.

В шашлычной

Восстание было немедленно использовано англичанами, агентура которых старательно и умело выполняет основную директиву англо-индусского правительства, директиву всемерного ослабления независимого Афганистана, поощрения беспорядков в стране и разрушения государственной власти. Во главе восстания встали мулла Абдул-Ленг и Абдур-Рашид и восстание стало развиваться под прямым руководством духовенства.

Для борьбы с восстанием правительству пришлось пойти на компромисс (так как восстание охватило не только весь Хост, но и перебросилось в Кандагарскую область, а отряды повстанцев подошли к Альтимурскому перевалу в 60 км от Кабула). В июне 1924 года в Кабуле была собрана Лю-и-Джирга (великое собрание), на котором большинство принадлежало духовенству. В самый момент джирги, чтобы не быть вынужденным к капитуляции перед духовенством, правительство пустило в ход против повстанцев только что закупленные в СССР аэропланы и добилось некоторых военных успехов. Тем не менее ему пришлось пойти на компромиссные уступки духовенству: а) в части судебной допущено было участие в суде представителей духовенства. Этим не была реставрирована прежняя судебная монополия духовенства, но все же духовенство получило возможность вернуть себе значительную часть влияния, б) уничтожена была свобода вероисповеданий, не мусульманам предписано было носить особую одежду и платить специальный налог, в) проведено решение о закрытии женских школ, г) в Кабуле и губернских центрах учреждены духовные управления, которые стали местом собирания сил духовенства и очагом заговоров.

Эти уступки духовенству дали падишаху поддержку всего авторитета Лю-и-Джирги. Лю-и-Джирга обратилась к восставшим со специальным воззванием, в котором указывалось, что после корректив, внесенных в реформы Амануллы-хана, в народе не должно оставаться сомнения в том, что государственные законы соответствуют установлениям священного шариата. Поэтому Лю-и-Джирга объявляет, что всякий, кто будет продолжать борьбу против правительства, подлежит жестокому наказанию—Лю-Джирга предлагает повстанцам прекратить борьбу и разойтись по домам.

Это воззвание имело большое значение для хода восстания: духовенство, руководившее борьбой, отошло от руководства восстанием. Само крестьянство и кочевники „повинда" не могли продолжать борьбу, так как не были способны к организации, хотя основание продолжать борьбу у них было, потому что их экономические требования не были удовлетворены.

Но англичане, успевшие связаться с восстанием, не хотели так просто выйти из игры — их агентура продолжала разжигать сопротивление. Во главе восстания встал прибывший из Индии Абдул-Керим-хан, который выдвинул лозунг свержения Амануллы-хана, как незаконно занявшего престол. Но этот лозунг не получил признания, да и само имя Абдул-Керим-хана, прожившего весь свой век в Индии пенсионером англичан, было слишком скомпрометировано. Правительству удалось разбить отряды повстанцев у Аль-Тимурского перевала. Керим-хан бежал в Индию и к весне 1925 года Хост был успокоен. Требования крестьян не были удовлетворены, но с духовенством было достигнуто соглашение, которое хотя и не вернуло духовенству его прежнего влияния но во всяком случае авторитет духовенства значительно вырос и оно снова получило некоторый доступ к государственным делам.

Восстание в Хосте тяжело отозвалось на всей стране Оно не только вынудило правительство отступить перед духовенством, но и выявило относительную слабость вооруженных сил правительства. В стране усилился бандитизм и участились взаимные налеты кочевых племен друг на друга.

Рост налогов, которые снова были повышены в 1925 и 1926 гг., вызвал новую волну восстаний. В 1925 году неурожай и повышение налогов вызвали волнения в Хосте

и Шугнанском районе. В 1926 году в Хосте снова возникли волнения из-за настойчивого проведения денежного налога. В 1927 году в Бадахшане возникли беспорядки против чиновников, бравших большие поборы, и чиновники были вынуждены бежать из провинции. В том же году произошли волнения в Кандагарском районе из-за повышения налогов. В 1928 году произошли волнения в Кандагарском и Хостинском районах из-за разоружения кочевых племен.

Ни один год не обошелся без волнений и беспорядков. Всякое движение неизменно оформляется духовенством, и всякий раз с движением пытается связаться английская военная агентура, так как современный Афганистан, способный к самостоятельной внешней политике и поддерживающий дипломатические отношения с СССР, сделался опасным соседом для Индии. Англия неизбежно должна будет и впредь вмешиваться во внутренние дела Афганистана, так как старые планы англо-индийского генерального штаба, который рассматривал горные теснины Афганистана, населенные полудикими вооруженными племенами, как естественное заграждение на пути возможного движения русских армий в Индию, рухнули. Их крах был подчеркнут поездкой Аманулла-хана в Европу: Афганистан, официально принятый как равноправный член в общую группу европейских и азиатских государств, Афганистан, который твердо помнит, что два миллиона афганцев живет в Индии и лелеет замыслы о включении их в афганское государство — такой Афганистан не мог быть щитом для Индии и стал слишком опасным соседом, чтобы его можно было оставить в покое.

Поездка Аманyллы-хана в Европу

Независимость Афганистана, полученная в войне 1919 года, была наилучшим образом подтверждена путешествием Аманyллы-хана по Европе: Афганистан в лице падишаха был официально принят в государственную семью народов Европы и Азии.

Токарь

Первые сведения о намерении Аманyллы-хана посетить Европу появились в афганской печати 15 октября 1927 года.

„Аман-и-Афган", сообщая о принятом падишахом решении посетить Европу, следующим образом толковал цель поездки:

„Основатель нашей цивилизации поедет в Европу для того, чтобы лично посмотреть успехи культуры и прогресса западных стран и применить наилучшие из них для счастья своего народа. Он хочет лично познакомиться с жизнью европейских народов и позаимствовать у них культуру, чтобы впоследствии насадить ее в Афганистане. Он едет для того, чтобы изучить мировую политику и найти самый лучший путь для политики своей страны („Аман-И-Афган"—официальное издание, и его мнение — это мнение придворных кругов).

Вся пресса мусульманского Востока оживленно комментировала эту статью „Аман-И-Афган". Оценки и объяснения этому решению падишаха даны разные, но в основном все они сошлись на чрезвычайном значении поездки не только для Афганистана, но и для всего Востока [1]).

Особое значение поездка имела для двух стран, ранее принимавших весьма активное участие в судьбах Афганистана — для Англии и СССР. Правительство Англии рассчитывало подействовать на психологию Амануллы-хана блеском своей мощи, ослепительным зрелищем богатств Британии и соблазнить его перспективами столь великолепного покровительства.

---

[1]) Персидская пресса сообщает (газета „Хабль-Уль-Матин", № 40-41): „Эта поездка имеет громадное значение для среднего Востока. Каждая из держав постарается завоевать симпатии Афганистана, так как Афганистан имеет крупные естественные богатства и поэтому капиталисты Запада обратили внимание на эту страну. По их мнению, эта горная страна может стать самой богатой из всех азиатских стран. Политическое значение поездки заключается в том, что его величество отправляется в Индию, Англию и Россию. Само собой понятно, что эти две страны-соперницы постараются всевозможными средствами доказать его величеству свою искренность".

Похожие оценки дала и остальная мусульманская печать Востока.

СССР имел в виду рассеять приемом Амануллы-хана созданные клеветнической прессой Запада и наветами посольств представления о разорении нашей страны революцией — представления, которые держались в Афганистане до самой поездки падишаха, — и в лице Амануллы-хана демонстрировать индийскому Востоку нашу военную мощь и наши хозяйственные достижения.

Прочие великие державы континента рассчитывали укрепить свои торговые связи с Афганистаном и получить заказы от афганского правительства. Малые государства — сателлиты больших стран — приглашены были участвовать в общеевропейском параде на тех же условиях, на каких вассалы участвуют в больших праздниках сюзерена.

Базар

Опытное в делах с индийскими навабами и магараджами англо-индийское правительство, которое удостоилось чести первым принять высокого гостя, сделало все, чтобы поразить Аманулла-хана великолепной роскошью и пышностью приема и убедить его в исключительной военной мощи Британии.

Индийский „Стейтсмен", описывая приготовления к приему Амануллы-хана, с особой радостью отмечал, что эмир раньше посетит капиталистические государства и только после этого поедет в Советский Союз, где нищета особенно разительно бросится ему в глаза после

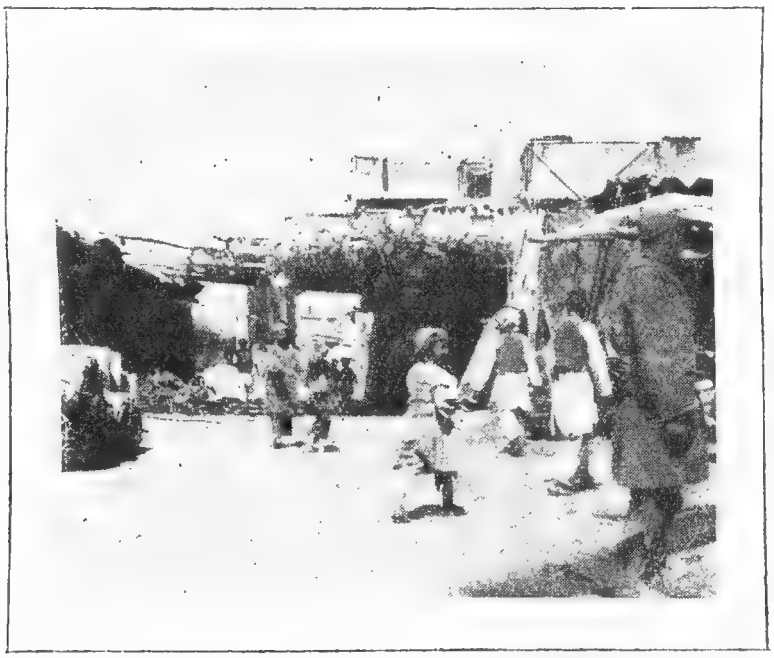
пышного приема в западно-европейских государствах (мы знаем, что „Стейтсмен“ был разочарован в этой части своих надежд).

Для встречи Аманулла-хана на афгано-индийской границе в форт Нью-Чаман был подан специальный поезд, в состав которого входили два специально для этого случая построенных вагона, на внешних стенах которых был изображен афганский герб. Эти два вагона стоили 20.000 фунтов стерлингов. Поезд был декорирован афганскими и английскими флагами.

10 декабря автомобили Аманулла-хана и его свиты прибыли в Нью-Чаман. Когда король переехал границу, он был встречен салютом артиллерии в 31 выстрел. Конница эскортировала короля до поезда и авиационная эскадрилья сопровождала королевский поезд до крепости Кветта. В Кветте — повторный салют, эскадрилья в воздухе и почетный караул. На промежуточных станциях военные оркестры и почетные караулы. В Бомбее самолеты, почетный караул и королевский эскорт в составе двух конных полков лейб-гвардии, двух конных полков пикинеров, конного полка бомбейской легкой кавалерии и конной батареи. Салюты, банкет и парад войскам. Говорят, в Индии так много стреляли из пушек при проезде Аманулла-хана, что индусы спрашивали: „кто это поднял в этом году восстание и кого усмиряют?“

Но с Бомбея начались огорчения. Вице-король Индии лорд Ирвин сказался больным и не прибыл на банкет. Застольные речи и тосты прозвучали суховато. Падишах почувствовал обиду. После обеда Аманулла-хан отменил разработанную заранее официальную программу и инкогнито выехал в автомобиле в мусульманскую часть города, а на следующий день выступил на митинге мусульман, устроенном мусульманским „комитетом встречи

падишаха". В этой речи на митинге король сказал: „В моем государстве индусы живут в мире с афганцами, индусы и мусульмане пользуются одинаковыми правами и живут как братья. В Афганистане не обращают внимания на разницу каст и религий и каждый индус является желанным гостем в моей стране". Та же проповедь братства индусов и мусульман была повторена в соборной



Улица в городе

мечети, где Аманулла-хан исполнял обязанности священника, руководящего молитвой. Эти выступления произвели неблагоприятное впечатление на англичан. „Divide et impera" — „разделяй и властвуй",—этот лозунг Англия особенно тщательно осуществляет в Индии и ее владычество в значительной степени держится на провокационном разжигании религиозной ненависти между индусами и мусульманами. Союз мусульман и индусов — это при-

эрак, способный вызвать холодный пот у британских дипломатов в Индии. И проповедь Амануллы-хана, принятая слушателями с искренним энтузиазмом, произвела отвратительное впечатление на англо-индийскую администрацию.

Следующий этап поездки — Египет — еще более ухудшил состояние англичан. Осмотрев Египет, сделав необходимые визиты и приемы, Аманулла-хан после всех принял английского комиссара в Египте (Египет контролируется английским комиссаром) и выехал дальше, оставив в Каире принца Рахматуллу-Джан для заключения соглашения с Египтом. Поездка явно становилась деловой, Аманулла-хан подчеркивал полную самостоятельность своей внешней политики, а призывы к единению мусульман встречали искренний восторг населения.

Специальный корреспондент „Дейли-Мейль" сэр Филиппс Персиваль в телеграмме из Неаполя сообщает, что после отъезда из Египта он просил падишаха сделать дружественное заявление в пользу Англии. Видя, что падишах колеблется, сэр Филлипс сказал: „тогда, прошу Вас, разрешите мне по меньшей мере написать, что Афганистан — дружественное Англии государство". Аманулла-хан ответил: „подождем и посмотрим, каковы будут результаты, когда я буду иметь возможность поговорить с Вашим министерством иностранных дел в Лондоне".

Это заявление произвело совсем неприятное впечатление: английской дипломатии стало ясно, что цена, которую придется уплатить за дружбу Афганистана, повышается.

После Египта Аманулла-хан посетил Италию. Он был встречен на вокзале итальянским королем и крон-принцем. Встреча и прием не уступали в пышности Индии. Аманулла-хан имел длительную дружественную беседу

с Муссолини, виделся и беседовал о религиозных вопросах с римским папой, после чего посетил ряд фабрик и заводов. Перед отъездом Аманулла-хан распределил часть предполагаемых заказов в Италии: он закупил там полевую артиллерию, броневые автомобили и значительное количество легковых и грузовых машин для военного ведомства и министерств. Кроме того, он пригласил

Арба для перевозки леса

на афганскую службу в артиллерию трех офицеров и двух унтер-офицеров итальянской армии.

Прием падишаха во Франции был не менее пышным, чем прием в Италии и Индии. На вокзале в Париже падишах был встречен президентом Думмергом, премьер министром Пуанкарэ, министрами и генералитетом Франции. После парада и осмотра некоторых индустриальных предприятий, Аманулла-хан пригласил из Франции специалистов по шелководству и несколько лиц преподава-

тельского состава для афганских школ, а также закупил винтовки и пулеметы для своей армии. Из Франции Аманулла-хан через Бельгию и Швейцарию прибыл в Германию (в Швейцарии Лига наций была очень огорчена и обижена, что Аманулла-хан не сделал ей визита).

Прием в Германии отличался особенной пышностью. Берлин воспользовался случаем воскресить блеск императорской Германии. Характерно, что большая часть расходов по приему Амануллы-хана, как сообщает пресса, отнесена за счет рейхсвера („Вельт-ам-Абенд" 24/II—28). По замечаниям левой печати, прием падишаха в Берлине очень смахивал на монархическую демонстрацию [1]).

Падишах провел в Германии около двух недель, все время знакомясь с промышленными предприятиями и осматривая разные достопримечательности. Везде на предприятиях падишаха принимали весьма торжественно с необычайной помпой [2]).

Германское правительство подарило Аманулле-хану трехмоторный Юнкерс и получило заказы на два боль-

---

[1]) В день приезда короля произошел любопытный инцидент, вызвавший неудовольствие демократической печати. Вот как описывает его газета „Берлинер-Тагеблят" от 23/II: „Едва процессия с королем проехала Унтер-ден-линден, как с Шарлотенбургского шоссе показался автомобиль с бывшим кронпринцем. Конечно, несколько человек, обуреваемых лойяльными чувствами, не преминули их выразить, увидев отпрыска Гогенцолернов, лично управляющего автомобилем. Но, с другой стороны, были слышны и очень враждебные возгласы". — Желание бывш. кронпринца принять непременное участие в торжестве, по мнению прессы, доказало отсутствие у него чувства такта.

[2]) Например, в Темпельгофском воздушном порту во время приема играла музыка, над зданием управления был поднят афганский флаг, в порту был произведен артиллерийский салют. На аэростанции присутствовали представители германского и прусского правительств, общественных организаций и проч.

ших Юнкерса (12-местных), на 200 автомобилей фирмы „Оппель“ и „Бенц“ и на ряд машин для афганской индустрии.

Германия демонстрировала падишаху преимущественно свои экономические достижения, в очевидном желании произвести впечатление и этим способствовать проникновению на афганский рынок германских машин и товаров. Одновременно с этим Германия ищет в Афганистане рынка для труда своей интеллигенции: ряд соглашений с немецкими инженерами и педагогами уже дал Афганистану более 100 чел. немецких квалифицированных работников. В Германии были наняты на афганскую службу четыре пилота и три авио-механика.

Из Германии падишах через Эссен, Париж и Калэ проехал в Англию.

В Англии Аманулла-хана принимали — даже на фоне торжественных приемов других государств — исключительно пышно.

В Англии ему демонстрировали почти исключительно военную мощь и цель этой демонстрации вполне очевидна: внушить несговорчивому и несклонному слушаться английской указки афганскому правительству убеждение в первоклассной мощи военных сил Британии и этим путем привести Афганистан к ориентации на Англию. В эту цель била демонстрация огромной морской эскадры в Портсмуте (первая по качеству морская база в мире), маневры пятидесяти танков в Лулвортской танко-артиллерийской школе, визит в громадный Кройдонский авиопарк и пр.

Под свежим впечатлением военных демонстраций с Амануллой-ханом велись дипломатические переговоры. Французская и немецкая пресса, комментирующая эти переговоры, сообщала, что они носят дружественный харак-

тер и что в результате их якобы заключен дружественный англо-афганский договор. Но слухи об этом договоре не подтвердились и часть печати высказала мнение, что эти слухи умышленно пущены английским министерством иностранных дел, которое сохраняет по этому поводу таинственное заговорщическое молчание.

Но не исключена и некоторая доля вероятия этих слухов, так как афганская пресса их не опровергает. Во всяком случае, Афганистан не размещал больших военных заказов в Лондоне и слухи о приглашении английских инструкторов в афганскую армию оказались неверными.

Одновременно с переговорами о заключении дружественного договора, англичане пытались также внушить Аманулле-хану мысль отказаться от поездки в СССР. В английской консервативной печати появились статьи, предупреждающие Афганистан о намерении Советского Союза захватить афганский Туркестан, чтобы оттуда бросить Красную армию на Индию.

Когда это не подействовало, был пущен слух о якобы возникших в Афганистане беспорядках. Все это делалось в расчете на срыв маршрута падишаха и на отказ от поездки в СССР.

Тем не менее Аманулла-хан через Варшаву прибыл в Москву и провел в СССР 15 дней. Ни разнородные наговоры на СССР, ни вымыслы о беспорядках в Афганистане не подействовали на падишаха и не изменили его маршрута. В СССР Аманулла хан интересовался успехами нашего мирного развития, результатами нашего хозяйственного и культурного строительства. Особое впечатление на него произвели московские и ленинградские заводы, а также мощь Красной армии и флота (Аманулла-хан посетил Кронкрепость и в Ленинграде

принял большой парад гарнизона). Пребывание падишаха и его свиты в СССР, широкое ознакомление с нашей страной рассеяли то предубеждение против революционной России, которое имело место в Кабуле в результате разных наветов иностранной прессы и криков о нищете и разорении страны.

После СССР Аманулла-хан посетил Турцию, где был принят с исключительным дружелюбием и сердечностью. Личное знакомство с республиканской Турцией закрепило уважение падишаха к реформаторской деятельности турецкого правительства и сделанные им заявления подтвердили общую линию на сближение и дружбу мусульманских государств в средней Азии. Эта линия была закреплена подписанным в Турции договором о Союзе, к которому в дальнейшем присоединилась и Персия. Из Турции падишах через Батум, Баку проследовал в Тегеран, в течение нескольких дней знакомился с Персией и в июне 1928 года закончил свою поездку.

За время поездки по Европе Аманулла-хан получил возможность вполне ознакомиться с основными особенностями каждого крупного государства Европы. Он получил также возможность сравнения своей страны с другими странами и наметил пути прогресса Афганистана. В Европе (в Париже и Берлине) он заказал оборудование для прядильной и ткацкой фабрик, машину для выделывания пуговиц, машину для консервирования молока, земледельческие машины и проч.

Но основные его заказы шли по линии военной и транспортной: в Италии закуплена артиллерия и бронемашины, во Франции винтовки и пулеметы, в Германии авиация и автомобильный транспорт. Характер этих заказов удостоверяет, что после возвращения из Европы Аманулла-хан не менее чем до отъезда в Европу остался

озабочен военной безопасностью государства. Заказы на машинное оборудование в их денежном выражении меньше, чем заказы на авто-грузовой транспорт, необходимый для развития торговли в стране.

За время поездки Аманулла-хан заключил важные политические договоры и важные экономические соглашения [1]).

Из политических договоров наибольшее значение имеет договор о дружбе и единстве политических работ с Турцией и Персией — эти договоры отразили стремление мусульманского Востока создать единый фронт против хищной политики империалистических государств.

Из экономических договоров следует выделить соглашение о постройке железных дорог в Афганистане, заключенное с Францией и Германией. Договор с французскими кампаниями о постройке линий железных дорог Кабул—Кандагар—Герат и проект постройки линии Кабул — Джелал-Абад германскими концессионерами значительно меняют перспективы афганского хозяйства.

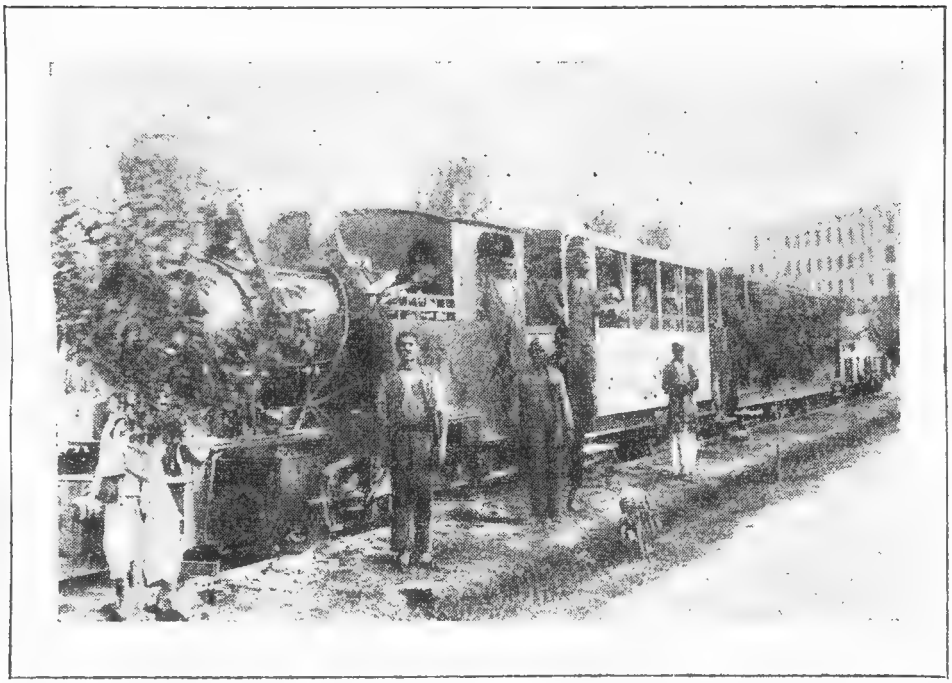
Но прежде всего эти договоры изменят стратегическое и политическое положение страны. Постройка железнодорожной линии от Кандагара к Кабулу и Герату дает возможность без особого труда включить эти линии в систему железных дорог крепости Кветта от Кандагара через форт Нью-Чаман. От форта Нью-Чаман до Канда-

[1]) Приводим список заключенных Афганистаном договоров: а) договор о дружбе с Египтом, б) договор о дружбе с Польшей, в) договор о дружбе с Японией, г) договор о дружбе и единстве политических работ с Турцией, д) то же с Персией, е) договор о дружбе с Либерией. Соглашения: 1) с Францией — о посылке студентов во французские университеты, 2) с Германией — то же, 3) с Бельгией и Швецией — то же, 4) договор с Германией о продаже Германии лапис-лазури, 5) договор с Францией о постройке железных дорог в Афганистане.

Гвардия Амануллы-хана в Пагмане

гара около 200 километров. Кандагар связан с фортом Нью-Чаман автомобильной дорогой, которая устроена с таким расчетом, что по ней при небольших дорожных работах (на пути нет горных хребтов) можно проложить железно-дорожное полотно.

Постройка этих дорог, когда они будут закончены,



Первая железная дорога в Афганистане протяжением в шесть километров. На снимке первый поезд у вокзала в Кабуле

лишает Афганистан возможности защищаться от англо-индийской армии, так как уничтожает основную защитную силу страны — ее бездорожье, отсутствие путей сообщения.

Это столь очевидно, что самый факт постройки дорог даже без прямого военного нажима поставит Афганистан в вассальное положение к Англии, *если для равновесия*

влияний сторон в эту дорогу не будет включена возле Герата железная дорога от советской крепости Кушка.

Французская компания, которая в этом случае является несомненным контрагентом Англии, уже прислала свою дорожностроительную комиссию в Кабул. Комиссия в составе инженера Барту, инженера Клемансо (племянник „Тигра“ Клемансо) и русского белогвардейца инженера Макшеева, строившего французские дороги в Африке, прибыла в Кабул в июле 1928 года и после блестящего приема выехала к Кандагару в сопровождении взвода конной гвардии падишаха для производства изысканий.

Энергия, с которой французы приступили к осуществлению проекта постройки дорог, показывает, что англичане очень торопятся закончить свои военно-инженерные приготовления в Средней Азии.

Доверчивость Афганистана, который положил голову в пасть тигра, может быть жестоко наказана, если строящаяся дорога не будет включена в линию советских дорог возле крепости Кушка: только такое включение парализует те военные опасности, которые таит в себе этот железнодорожный проект для независимого Афганистана.

Воинствующий Ислам

Возвращение Аманулы-хана из Европы связано для Афганистана с новым этапом реформ.

На первом месте среди них стоят реформы технического порядка — постройка железных дорог, машинное оборудование для первых текстильных предприятий и решение о разработке естественных богатств Афганистана. С некоторой натяжкой эти реформы можно характеризовать, как первые шаги строительства капитализма в Афганистане.

Отдельно надо рассматривать вопрос о реформах в Исламе. Борьба с чадрой, попытка ввести европейское платье и даже одеть в него Лю-И-Джиргу (великое собрание), открытое выставление в витринах магазинов фотографий и портретов (Коран запрещает публично выставлять изображения людей) — это реформы, которые не подрывают религиозных основ, но приспосабливают религию к новым требованиям. Религия еще слишком сильна в этой фанатичной стране, чтобы с ней бороться, и она еще должна сослужить службу правящему сословию. Отмена чадры, введение европейского платья—это по существу требование комфорта, потребность в котором выросла у молодой афганской буржуазии, а не атака на Ислам. Реформы в Исламе прогрессивны по своему существу, но не следует преувеличивать их значение и не следует заблуждаться относительно классового характера этих реформ.

Задолго до возвращения падишаха в Афганистане носились слухи о том, что королева сняла чадру и носит

европейское платье. В народе говорили, что падишах отпал от чистого Корана, что он нарушил законы Ислама — и муллы усиленно подогревали эти вести и раздували брожение. Отпечатанные за границей в тысячах экземпляров фотографии, изображавшие королеву без чадры, распространялись духовенством среди населения. На обороте этих фотографий был напечатан текст, объяснявший, что фотографии изображают королеву и свидетельствуют о нарушении ею Корана.

За этой пропагандой чувствовалась ловкая рука опытного мастера. Этот мастер прибыл в Индию в январе 1917 года и поселился в г. Дели под фамилией Росс. В течение 1917 года он изучал положение дел на индо-афганской границе и налаживал организованные связи, а затем мистер Росс кратковременно исчез, но в Мирамшахе, на афганской границе, появился пилот воздушной эскадрильи Шоу. Иногда Шоу уезжал из Мирам-шаха и тогда в Дели снова появлялся мистер Росс. И Росс и Шоу — одно лицо, настоящая фамилия которого Лоуренс полковник британской армии.

Лоуренс — один из известнейших и опасных агентов британской разведки. Он уроженец о. Мен, сын небогатых родителей. Вырос на островах Джерсей, учился в детстве во французской иезуитской школе. Юность провел в Англии в Оксфорде. Его товарищи по школе говорят, что во время спортивных игр, которые так развиты в английских учебных заведениях, Лоуренс стал известен тем, что он в каждой игре изучал законный способ нарушать правила. Эта выявившаяся в юности черта определила и его дальнейшую карьеру: в 1912 году он вступил на службу в английскую разведку и выехал в Месопотамию, где руководил работой археологической комиссии, которая на самом деле прикрывала работу топо-

графической группы капитана Ньюкомба, нанесшего на карту оазисы и дороги пустынь Месопотамии. До мировой войны Лоуренс работал в Месопотамии и завел

Столетний фанатик-дервиш — один из проповедовавших „священную войну“ против реформ Аманулы в Афганистане

обширные знакомства среди кочевников. В 1914 году он в чине капитана вступил на службу в Британский штаб в Каире, а в 1916 году перешел на службу в арабское бюро, уехал в Аравию и принял участие в организации

арабского восстания против турок. Его бешеная взрывчатая энергия создала ему у арабов прозвище „эмир-динамит". Лоуренс приобрел огромное влияние на ход арабского восстания и ему принадлежит честь организации партизанской войны в пустыне, оказавшей неоценимую помощь войскам герцога Алленби.

После войны Лоуренс принял участие в работах по устройству новых государств в Аравии, а затем, когда дело было сделано и Англия получила свою мандатную территорию, Лоуренс ушел на отдых, на службу в регулярных танковых частях в Британии.

Его политическое мировоззрение целиком отразилось в его беседе с английским принцем во время визита в Лондон, куда Лоуренс сопровождал арабского короля Файзаля.

„Нынче плохие времена для королей, Лоуренс, в Европе учреждено пять новых республик за последние годы", — сказал английский принц.

„Мужайтесь, сэр, — ответил Лоуренс, — мы учредили четыре новых королевских дома на Востоке".

Этот специалист по учреждению королевских домов на Востоке и по организации междуусобиц в мусульманских странах очень скоро снова понадобился секретной службе британского генерального штаба и был вызван в Индию. Афганская война за независимость и новая ситуация на северо-западной границе Индии привлекли внимание английского генерального штаба к проблеме обороны Индии, к возможности организовать вторжение английских армий в советский Туркестан.

Бесценный опыт Лоуренса, знатока мусульманских стран, свободно владеющего арабским, турецким и персидским языками был необходим в том запутанном узле противоречий, который был завязан на северо-западной

границе Индии. И Лоуренс исчез из Британии, а в Индии появились мистер Росс и мистер Шоу.

Относительно жизни Лоуренса в Индии „Сэндэй Экспресс“ от 30 октября 1928 года сообщает: „Досто-

Баче-Сакао и его министры

верно, что переговоры по заключению торгового договора между Великобританией и Афганистаном ведутся и, возможно, что вслед за этим будет заключен и военный договор. Говорят, что полковник Лоуренс серьезно займется изучением мыслей и взглядов горных племен, купцов и крестьян Афганистана и порядком, каким уже

он сам знает, будет проживать среди них. Весьма удивительно то обстоятельство, что полковник, служащий в штабе воздушных сил в Карачи, может вести такую жизнь, что даже близкие его друзья приходят в недоуменье. Бывает, что полковник внезапно исчезает на месяц, а затем также внезапно, как и исчез, появляется. Получить от него объяснения его отсутствия никто не может, а сам он, по слухам, молчаливый и скрытный, никому ничего не говорит. Несколько времени тому назад полковника Лоуренса видели в Мирам-шахе, где находится один из центров воздушных сил, и вскоре после этого появились слухи, что он под видом мусульманского пира (пир—священник) проживает в Амритсаре и наблюдает за деятельностью большевиков...

...Афганистан является преградой (между Индией и Советской Азией), в центре которой проживают все проезжающие через Афганистан люди, и можно уверенно сказать, что полковник Лоуренс ведет свои серьезные наблюдения именно там..."

Опытная рука Лоуренса, таинственное поведение которого даже британскую прессу привело в недоумение, наладила связи, и когда пришло время, эти организационные связи начали действовать: агитация мулл раздувала брожение в Афганистане и тысячи фотографических карточек с агитационной надписью усиливали впечатление агитации.

Но агитация и брожение не дали бы той вспышки, какую мы наблюдаем сейчас в Афганистане, если бы падишах по возвращении из Европы поставил вопрос о коренной реформе в народном хозяйстве страны, об увеличении площади поливных земель путем организации оросительных работ и об уменьшении налогов: крестьяне, для которых была бы открыта перспектива лучшей

жизни, не пошли бы за агитаторами. Но положение крестьян не менялось и поездка падишаха в Европу не дала им никаких перспектив на будущее. Планы промышленного развития страны тоже пока не шли дальше постройки текстильных предприятий, предприятий по выделыванию пуговиц и конденсированного молока — серьезного продуманного плана индустриализации Афганистана предложено не было. Из всех планов наиболее важное значение имел план постройки железных дорог, сданных в концессию французам,—но и этот план, имевший огромное экономическое значение для будущего страны, таил в себе военные опасности. На собранной в августе месяце в Пагмане Лю-И-Джирге падишах предложил план технических реформ. План этот, сводившийся к вышеизложенным проектам, особых возражений не встретил. Но проект реформ в Исламе, предложение всем участникам Лю-И-Джирги переодеться в европейское платье, и проект об отмене чадры и замене чалмы шляпой, а также фирман об отмене старых титулов и орденов, вызвал оппозицию всего духовенства. Поскольку эти реформы не сопровождались крупными социальными преобразованиями, способными дать правительству новую опору в народе, и поскольку они в то же время вызвали протест всех консерваторов,—они стали банановой коркой, на которой поскользнулось правительство Аманулла-хана. Удар по старым обычаям дал возможность духовенству оформить тлеющее недовольство крестьян лозунгами борьбы за Коран, за святой шариат и правоверный Ислам.

Уже во время Лю-И-Джирги в Кабуле был раскрыт заговор духовенства. Участники заговора, среди которых были видные лица из духовенства,— были арестованы и казнены. В ответ на это виднейшие духовные лица Кабула — главный казий Абдур-Рахман и Ага-И-Пуль-

Хазрети-И-Шир-Базар—оставили Лю-И-Джиргу, выехали в Хост и там пытались поднять восстание.

Последние дни работ Лю-И-Джирги происходили в атмосфере большого брожения в стране и в провинции Хост. Положение осложнилось выступлением горного разбойника Бача-Сакао, который спустился со своей бандой в Чарикарскую долину и объявил себя защитником Ислама и борцом за крестьян против несправедливых чиновников падишаха. Эти выступления сорвали работу Лю-И-Джирги и вынудили правительство приступить к собиранию сил для борьбы с повстанцами.

Бача-Сакао, бывший булюк-мишр (взводный командир) гвардии, сам по себе не представлял большой опасности. В прошлом он был исправный солдат и затем бравый офицер. Но в 1926 году с ним случилась странная история: конвоируемый им транспорт серебра был ограблен разбойниками при таких обстоятельствах, которые дали повод правительству обвинить Бача-Сакао в соучастии и предать его военному суду.

Военный суд вынес приговор о смертной казни, но Бача-Сакао бежал от стражи и ушел в Кугистан, откуда он был родом (Бача-Сакао — сын водоноса города Чарикара, его отец — таджик, а мать — хезарейка).

Преследования полиции вынудили его однако бежать из Чарикара в Индию и он около полугода прожил в Пешавере. Вернувшись из Индии в 1927 году, Бача-Сакао организовал небольшую банду и занялся разбоем в Чарикарском районе.

В 1928 году его разбои приобрели широкий размах и дали ему большую популярность, так как значительную часть награбленного Бача-Сакао раздавал крестьянам. Эта популярность возросла, когда Бача-Сакао по указке крестьян убил некоторых наиболее притеснявших народ

чиновников. Банда Бače-Сакао стала быстро расти, и летом 1928 года он имел около 80 человек в своем отряде. Этот отряд был усилен присоединением к нему банды Сеид-Гуссейна, небогатого помещика из-под Чарикара, который организовал небольшой отряд и стал

Типы кугистанцев (армия Бače-Сакао)

заниматься разбоем вместе с Бače-Сакао. В ноябре месяце Бače-Сакао захватил г. Чарикар, убил чарикарского хакима и провозгласил себя падишахом под именем Хабибулла. В своем фирмане он сообщил, что его цель — защитить крестьян от произвола чиновников и восстановить старые обычаи, защитить правоверный

Ислам от действий неверного падишаха Амануллы, за голову которого Баче-Сакао объявил награду. Отряд Баче-Сакао быстро оброс партизанами из крестьян и горцев Кугистана и он выступил в поход на Кабул во главе 6-тысячной армии, в которой было около 2 тысяч невооруженных людей, т. е. несомненно крестьян (очевидно также, что и половина вооруженной части отряда состояла из крестьян, так как банде горных разбойников в 300 человек некем было пополниться так быстро без широкой поддержки крестьянства).

Одновременно с наступлением Баче-Сакао выступило и племя шинвари, населяющее Гандамакский район возле Джелал-Абада (на индийской границе). Шинвари в благодарность за помощь войскам падишаха при подавлении восстания мангалов в Хосте (1924 году) на неопределенный срок были освобождены от налогов и получили ряд привилегий. Вернувшись из Европы, Аманулла-хан решил, что с текущего года, который был особенно тяжел для страны, шинвари тоже должны платить налоги. Фирман падишаха об уплате налогов был прочитан хакимом района 13 ноября на общей джирге племени. Узнав решение падишаха, шинвари убили хакима и подняли восстание. Во главе восстания встал мулла Мухамед-Афзаль, под руководством которого шинвари спустились в Джелал-Абадскую долину, прервали сообщение Кабула с Индией и осадили Джелал-Абад. Требования шинвари, предъявленные правительству, были явно подсказаны духовенством: а) контроль духовенства над правительством, б) отмена реформ, в) отмена налогов. И в этом случае духовенство возглавило восстание и дало ему политическое оформление.

Движение шинвари нашло поддержку крестьян Джелал-Абадской долины и соседних племен. Джелал-абад-

ский гарнизон был выбит из города и заперся в крепости. Шинвари разгромили город и обложили городскую цитадель. Но их боевых припасов не могло хватить надолго, да и среди крестьян было много невооруженных. Но возможность этого обстоятельства была заранее учтена агентурой Лоуренса, и на английской границе вблизи форта Курам открылся торг английскими магазинными винтовками и боеприпасами, причем продажа происходила в неограниченном количестве по ценам вчетверо меньше обыкновенных (вместо тысячи рупий— двести пятьдесят рупий за магазинную винтовку). Этот способ, который не дает оснований для формальных обвинений, в достаточной степени улучшил положение повстанцев и их отряды продолжали осаду Джелал-Абадской цитадели. Между тем правительство Аманулы-хана очень медленно мобилизовало свои силы. Его психика была явно усыплена успехом поездки по Европе, убаюкана королевскими триумфами и поэтому медленно освоилась с сознанием опасности положения. Гарнизон Кабула, состоявший из корпуса пехоты (около 6.000 бойцов) и дивизии гвардии был раздерган на части: половина гарнизона была отправлена к Джалал-Абаду, около 6 батальонов были посланы к Чарикару и разбиты отрядами Бача-Сакао. В Кабуле оставалось около 2 полков пехоты и дивизия гвардии, при чем вполне надежна была только гвардия, сформированная из коренных афганских племен. Отмеченная нами выше непригодность армии к междоусобной войне и слабость гвардейского ядра стала сказываться: армейские полки легко переходили на сторону противника и плохо дрались, а гвардия была слишком малочисленна, чтобы стать организующим ядром борьбы. Технические средства, находившиеся в Кабуле —итальянские бронемашины и полученная из Италии артиллерия —

были плохо использованы отчасти из-за недостатка прислуги (артиллерия), отчасти из-за неуменья использовать боевую мощь (бронемашины). Поэтому когда отряды Баче-Сакао подошли к Кабулу и заняли Баг-И-Баля (в 3 *км* от королевского дворца), центр обороны был перенесен на авиацию, в которой служили летчики СССР. Авиация, благодаря энергичным и умелым действиям личного состава, оказалась в состоянии надолго отсрочить падение Кабула, но была бессильна без поддержки пехоты решить борьбу.

Уже в декабре 1928 года правительство Аманулла-хана, от чрезмерного оптимизма перешедшее в другую крайность—преувеличенный пессимизм, начало тайную эвакуацию Кабула. Часть государственной казны и дворцовых богатств вместе с семьей падишаха были перевезены в Кандагар, второй по значению город государства, вокруг которого живут коренные афганские племена — барак-заи, популзаи, гильзаи, дурани, сулейман-хейль и другие.

В декабре положение в Кабуле стало весьма напряженным. Город был под ружейным обстрелом. Войска падишаха, сделавшие попытку оттеснить повстанцев, разложились в процессе борьбы и значительная часть их перешла на сторону повстанцев. Правительству пришлось спешно мобилизовать ремесленников и вооружить цеховые организации, к которым перешла главная роль в обороне города. Трудное положение правительства заставило Аманулла-хана отказаться от реформ. Это отречение было немедленно распубликовано в виде большого объявления, скрепленного королевской печатью. Объявление требовало от народа: „прекратите ваши действия, нарушающие спокойствие населения городов и ваших же районов. Этим вы в силу настоящего объявления о

прощении избавитесь от наказаний и успокоите народ божий. Распространяющиеся в некоторых частях восточной провинции слухи о моих, якобы противных священному шариату, поступках, используемые противниками нашего народа и правительства в своих целях, нарушили единение и согласие между народом и его пра-

Аэроплан на кабульском аэродроме

вительством. Исключительно только с целью вновь обрести это единение и согласие, являющееся душой и импульсом жизни страны, я исправил некоторые пункты, вызвавшие волнение. Эти пункты, несмотря на то, что они были или предложены депутатами Джирги или же ими одобрены, вызвали обиды и возмущение. Поэтому я каждый из этих пунктов так, как вы можете видеть ниже, изменил".

Далее следует подробный перечень отмененных реформ и измененных постановлений. Из них наиболее важными являются следующие:

а) В самом Кабуле учреждается на постоянное время сенат, состоящий по крайней мере из 50 членов, в которые входят выбранные известные улемы (улем — видный знаток Корана, выдающееся духовное лицо), сардары, ханы и служащие, обладающие специальными знаниями. Сенат ведает религиозной стороной всех новых законов, которые, пока не получат одобрения сената, исполнению не подлежат;

б) афганские женщины, посланные для обучения за границу, возвращены обратно в Афганистан;

в) разрешен въезд в Афганистан улемам, окончившим школу Див-Бенд и Индии;

г) объявлено, что борьба со взяточниками подлежит ведению прокуроров;

д) запрещено ношение европейского платья женщинами и приказано всем женщинам носить чадру;

е) духовенству снова разрешено преподавание в школах, при чем получение свидетельств правительства на право преподавания для духовенства отменяется;

ж) учрежденному институту мухтесибов (наблюдающий за нравственностью и исполнением религиозных постановлений) дано указание усилить надзор за нарушениями Корана и в частности за употреблением спирных напитков. Учрежден специальный суд „ихтисаб“ для нарушителей религиозных постановлений;

з) разрешено военнослужащим участвовать в религиозных организациях, во главе которых стоят видные священники;

и) отменено запрещение вступать в брак учащимся, не окончившим полностью своего обучения;

к) закрыты все женские школы и упразднено „управление покровительства женщине".

Этим актом, который мы привели в большом сокращении, правительство Аманулы-хана отказалось от всех своих нововведений и реформ за исключением экономических и технических реформ. Акт заканчивается следующими словами: „Все, что я делал до сегодняшнего дня, я делал для прогресса и блага моего дорогого народа. Я никогда не желал и не желаю совершать дела, противного вере Ислама и священному шариату. В настоящее время для устранения раскола и розни минуту тому назад я одобрил исправление тех пунктов, которые сделались причиной недоразумения. — Аманулла".

Объявление правительства, акт, который фиксировал его отступление перед натиском Ислама, было сопровождено воззванием от „улемов, сардаров и ханов Кабула". Это воззвание призывало народ прекратить борьбу и поддержать правительство, с которым достигнуто полное соглашение. Но было уже поздно: отряды сына водоноса обстреливали королевский дворец. Аманулла был вынужден отречься от престола, передал власть своему старшему брату Инаятулле и выехал в Кандагар.

Инаятулла, который со времени освобождения из-под ареста (после переворота в 1919 году) жил частной жизнью и не занимался государственными делами, был в отличных отношениях с духовенством. Он имел репутацию правоверного мусульманина, знатока Корана, и был известен, как консерватор. Его кандидатура была вполне приемлема для духовенства, и Инаятулла немедленно был коронован и возведен на трон.

Но Бача-Сакао решил сыграть игру до конца. Его отряды не хотели упускать из рук королевской казны, которая находилась на расстоянии ружейного выстрела.

Крестьяне, поддержавшие горцев, тоже решили продолжать борьбу, так как реформы Аманулы-хана ничего не говорили о налогах. Город был взят штурмом. Инаятулла заперся в цитадели и организовал отчаянное сопротивление: поддержанный городским духовенством, которому *в последнем счете совсем не улыбалось неизбежное выдвижение на правящие посты деревенского духовенства, шедшего с войсками Баче-Сакао*, он успел за сутки своего царствования организовать отряд более чем в тысячу верных бойцов. Но это сопротивление не могло изменить положения дел, так как город был в руках Баче-Сакао и помощи ждать было не откуда. Баче-Сакао поставил взятую в бою с войсками 1-го корпуса артиллерию на высоты, окружающие город, и пригрозил бомбардировкой цитадели. Инаятулла-хан сложил оружие, получил пропуск в Индию и на английских самолетах со своими приближенными улетел в Пешавер, откуда переехал в Кандагар.

Баче-Сакао был торжественно коронован и возведен на афганский трон под именем падишаха Хабибуллы.

Но действия этого нового падишаха, который пришел к власти с помощью горных разбойников и восставших крестьян, ничего не изменили в положении крестьян. Единственное, что он до сих пор сделал, это издал фирман об уменьшении налогов до уровня прежних лет. Правительство, которое он сформировал, составлено частично из его товарищей по жизни в горах (Сеид-Гуссейн получил портфель военного министра), частично из сардарства и помещиков. Ограничив заботы о крестьянах фирманом о снижении налогов, Баче-Сакао немедленно издал ряд фирманов, восстанавливающих привилегии духовенства. Религиозную свою программу Баче-Сакао

изложил в следующем манифесте, обращенном ко всему исламскому миру:

„Я незнатный человек, не имевший никакого стремления стать королем или эмиром. Некоторые из друзей Аманулллы, свернувшие с пути религии, называют меня вором. Бог всепрощающ и терпелив. Я был и остаюсь слугой церкви и тех, кто держится шариата пророка.

Когда Аманулла, следуя вере и правилам европейцев, изменил закону Магомета, стал в оппозицию ко всем, кто действовал в согласии с шариатом, разогнал проповедников веры и открыто выразил ненависть к ним, я принужден был выступить как защитник бога и Корана для того, чтобы противодействовать неверующему эмиру и помогать церкви.

Не запасшись пищей, я ушел в горы и пустыни и по ночам искал общения с божественными силами, пока во время восстания верующих Аманулла не раскаялся в своем неверии и не поклялся в верности. Но некоторое время спустя он нарушил свою клятву. Улемы объявили его еретиком и повелели не принимать его покаяния. Они единогласно призвали меня стать их эмиром, так как единственной моей целью была священная война и изгнание Аманулллы с трона. Я принял это приглашение ради веры и успехов Ислама. Я предупреждал Амануллу и его последователей, что истинно верующие в шариат и Магомета рассматривают его как еретика и не желают иметь его эмиром, и что он должен отречься в пользу кого-либо из защитников веры, которого Афганистан мог бы признать. Но бывший эмир, обладая обширными богатствами, бесчисленным количеством винтовок и пушек, аэропланами, бронированными автомобилями и складами, которые собирались

более чем в течение 50 лет, возгордился и издал указ, в котором угрожал восставшим наказанием.

Верующий народ, в единении со своим избранником и стремясь лишь к одной цели — возвышению веры, повел наступление, имея в своих руках единственное оружие — палки. В течение одного месяца он получил в свое владение все вооружение, казну, королевские дворцы, не потерявши ни одной человеческой жизни.

Когда Аманулла увидел, что он остался один и что все враждебно относятся к его деятельности, он отрекся, назначив фирманом своего старшего брата своим наследником. Этот неудачник не понимал того, что его фирман не имеет никакого значения. Народ заклеймил его еретиком и он подлежал изгнанию из страны.

Вследствие этого я оповестил народ исламского мира и Афганистана, что улемы и сеиды (потомки Магомета), жители Кабула и провинций, а также армия, мобилизованная в Кабуле и провинциях для борьбы со мной, перешли на мою сторону. От вас требуется немедленная поддержка человека, единственной целью которого является возвышение веры.

Для удовлетворения людей, которые думают, что управление страной является монополией королевской фамилии, я напомню историю о талаите (король Израиля Саул) и последнюю часть второй главы Корана, которая в сжатой форме опровергает это мнение словами:

„*Страна принадлежит богу, а он дает ее тому, кого любит*“.

Хабибулла.“

Эта провозглашенная Бача-Сакао программа воинствующего Ислама в своем существе глубоко реакционна,

так как она возвращает власть духовенству и задерживает развитие страны.

Полковник Лоуренс (он же борт-механик Шоу и Смит)— английский шпион и провокатор, организатор черносотенного восстания в Афганистане и покровитель бандита Баче-Сакао

Крестьянские отряды, не получив обещанного, начали расходиться по домам, так как приближалось время посева. Баче-Сакао сохранил при себе только перешед-

шие на его сторону армейские полки, свой старый отряд и отряды пришедших к нему на помощь горцев Кугистана.

Поддерживая Бače-Сакао, кугистанцы выполняли завещанную им дедами кровную месть: в свое время Абдур-Рахман-хан, дед Амануллы-хана, „срубил столько голов в Кугистане, что из них можно было построить минарет". Внуки помнят свежее предание об этой резне и пришли отплатить за срубленные 50 лет назад головы.

Гарнизон Джелал-Абада, узнав о падении Кабула и коронации Бače-Сакао, вошел в соглашение с шинвари и вместе с ними двинулся на Кабул. Шинвари провозгласили падишахом бывшего губернатора Кабула, сидевшего в джелал-абадской осаде, генерала Али-Ахмед-хана, который был известен как ярый англофил. Но наступление шинвари не изменило положения: шедшие с ними войска джелал-абадского гарнизона перешли на сторону Бače-Сакао и шинвари вынуждены были отступить от города.

Аманулла-хан, прибыв в Кандагар, взял обратно свое отречение и поднял королевский флаг на дворце кандагарского губернатора. Среди афганских племен, населявших Кандагарскую провинцию, началась агитация за наступление на Кабул. Агитаторы отмечали, что новый падишах—таджик, а не афганец, и предсказывали, что значение афганской народности в государстве неизбежно умалится и афганцы потеряют все свои привилегии. Поднятые этой агитацией афганские племена собрали племенное ополчение, которое заняло Газни и двинулось к Кабулу. Почти все афганские племена объединились для борьбы за трон, но решительные действия еще не начались.

С другой стороны провинции национальных меньшинств — населенные таджиками Катаган-Бадахшанская

провинция и населенная узбеками Мазар-И-Шерифская губерния—признали новое правительство.

Трудно предвидеть развитие гражданской войны в стране, созданной для роли буфера, населенной народами трех различных рас, где социальный и национальный вопросы сплелись с вопросами международных отношений в сложнейший узел.

Национальные меньшинства, которые представлены новым падишахом Хабибуллой; правящая афганская народность, которая имеет двухсотлетние навыки борьбы с национальными меньшинствами и выдвигает свою династию на трон; крестьяне, роль которых сейчас снова затушевана, но которые составляют стихийную силу борьбы — вот основные движущие силы событий в Афганистане.

Число действующих лиц увеличено появлением в Индии едущего в Афганистан Надир-хана. Надир-хан—герой последней войны с англичанами, руководивший восставшими племенами Вазиристана в 1919 году, впоследствии военный министр Афганистана, был изгнан Аманулой-ханом за нелойяльность. Он и его семья несколько лет прожили в Швейцарии. Его имущество было конфисковано правительством Амануллы-хана. Естественно, что этот человек, сохранивший всю свою популярность в народе, сыграет значительную роль в предстоящей борьбе, тем более, что он не только талантлив и популярен, но и принадлежит к знатному афганскому роду. В настоящее время Надир-хан, прибыв в Индию, заявил о своей лойяльности и о своем намерении помочь Аманулле-хану вернуться на трон.

Надир-хан особенно популярен среди племен северо-западной границы—момандов, афридиев и вазиров. Эти

племена, собравшись на джиргу, вынесли решение о борьбе против Бače-Сакао.

Аманулу-хана поддерживают не только афганские племена, которые выставили вооруженное ополчение, но и общественное мнение мусульманского мира: индийская пресса отмечает волну митингов, прокатившуюся по северной (мусульманской) Индии, на которых вынесены требования о возвращении трона Аманулле-хану. Это отлично понимает и Бače-Сакао, который вынужден в своем обращении оперировать сомнительной формулой Корана о том, что — „бог отдает страну тому, кого любит".

Но Англия, которая с самого начала подогревала восстание, не откажется от дальнейшей активности в Афганистане. Ее агентура постарается до конца использовать происходящие события, хотя они развернулись так широко, как трудно было ожидать. Афганистан, во внутренней политике богатый неожиданными возможностями, как будто задался целью все эти возможности развернуть. Стало очевидно, что Бače-Сакао оказался неподходящим вождем для крестьянского восстания и что выступления афганских племен могут создать новый кризис власти.

Определились шансы возвращения на трон Амануллы-хана. Возможно, однако, что развитие борьбы выдвинет новых афганских кандидатов на трон. Но если даже Аманулла-хан и вернется к власти — совершенно неизвестно, какую линию поведения он изберет и найдет ли он пути для правильных взаимоотношений с крестьянами. Он уже отрекся от своих реформ и следовательно во внутренней политике не устоял перед нажимом духовенства — неизвестно, насколько ему удастся во внешней политике устоять перед нажимом

англо-индийского генерального штаба и британской дипломатии.

Англо-индийский генеральный штаб, который уже наполовину осуществил свою новую программу обороны Индии и энергично готовится к активным действиям в Советском Туркестане, будет и дальше работать над тем, чтобы восстановить прежние вассальные отношения Афганистана к Англии и получить возможность заняться подготовкой афганского плацдарма для операций против советской Азии.

На пути осуществления этих планов Британии стоит стремление афганского народа к независимости, которое черпает свою силу в новых экономических условиях жизни страны и в соседстве Советского Союза.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57

Вышла и поступила в продажу новая книга по истории революционного движения

К. ШЕЛАВИН

АВАНГАРДНЫЕ БОИ
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Очерки германской революции 1918—1919 г.

Содержание выпуска первого: Введение. 1. От начала войны до русской революции. 2. Под влиянием русской революции. 3. Накануне ноябрьской революции в Германии. 4. Революция началась. 5. Поражение без битвы. 6. Итог двух недель революции. 7. Шестое декабря. 8. Перед всегерманским съездом советов в Берлине. 9. Перед всегерманским съездом советов на северном побережье. 10. Перед всегерманским съездом советов в Саксонии и Вюртемберге. 11. Перед всегерманским съездом советов в Бадене и Баварии. 12. Всегерманский съезд советов в Берлине.

292 стр. **Цена 1 р. 80 к.**

Заказы и деньги (переводы) направлять в Ленинград, просп. Володарского, 51, книжный магазин Изд-ва „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА

Книготоргующим организациям обычная скидка

ЦЕНА 1 РУБ.

24312